
БОЛГАРСКАЯ РУСИСТИКА

2018/1

Орган Общества русистов Болгарии
СОФИЯ 2018

Редакционный совет:

проф. д-р Валентина Аврамова, проф. д-р Гочо Гочев,
проф. д-р Стефка Георгиева, проф. д-р Елена Стоянова,
доц. д-р Татьяна Алексиева

Международный редакционный совет:

проф. д.ф.н. Юрий Прохоров (Россия)
проф. д.ф.н. Елена Иванова (Россия)
проф. д.ф.н. Мария Котюрова (Россия)
проф. д.ф.н. Йенс Херлт (Швейцария)
проф. д.ф.н. Петр Буняк (Сербия)
проф. д.ф.н. Катажина Воян (Польша)
доц. д-р Ладислав Вибожил (Чехия)

Редакционная коллегия:

доц. д-р Илиана Владова (главный редактор), доц. д-р
Ирина Захариева (зам. гл. редактора), доц. д-р Димитрина
Лесневска (зам. гл. редактора), проф. д.ф.н. Христо
Манолакев, доц. д-р Радослава Илчева, Екатерина
Солнцева-Накова (отв. секретарь), Радослава Лесневска
(технический редактор).

**Журнал «Болгарская русистика» включен в Национальную
библиографическую базу данных научного цитирования РИНЦ
по адресу: <http://www.eLibrary.ru>**

ISSN 0323-9160 (print), ISSN 1313-3713 (online)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Д.И. Петренко, К.Э. Штайн

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАЛЕОНТОЛОГИЯ Н.Я. МАРРА В
 КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ 1920-х – 1930-х
 ГОДОВ 5

Хуан Шицзэн

ИЗ ОПЫТА СОСТАВЛЕНИЯ ДВУЯЗЫЧНОГО УЧЕБНОГО
 СЛОВАРЯ (НА ПРИМЕРЕ «КРАТКОГО РУССКО- КИТАЙСКОГО
 НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ»)..... 17

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

И.П. Захариева

ВЕДУЩИЕ ИДЕИ СТРУКТУРАЛИЗМА В МЕТОДОЛОГИИ
 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ (ТРУДЫ ЮРИЯ ЛОТМАНА) 24

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ж.Н. Жунусова, Ж.Б. Селиверстова

«СТЕПЬ» В АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВА
 33

К.А.Сванидзе

МЕХАНИЗМЫ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО
 ОБРАЗА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 44

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

А.С. Баранова

КОННОТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОБЫТИЙНО-
 СИТУАТИВНЫХ СУБСТАНТИВОВ В ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО
 НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК 56

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Г.А. Михайлова

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ
 СПЕЦИАЛИСТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА 69

В.И. Абрамова, Ю.В. Архангельская

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КВЕСТ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ
 РКИ: ИЩЕМ «ЗЕЛЁНУЮ ПАЛОЧКУ» Л. Н. ТОЛСТОГО В
 ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ 77

РЕЦЕНЗИИ

И.И. Манова

СЛОВАРЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ.
М.Л. КОВШОВА, Д. Б. ГУДКОВ. М.: ГНОЗИС, 2017. – 192 С. 88

Д.С. Лесневска

И. БИРОВА. ИГРА В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК
ИНОСТРАННОМУ. ИССЛЕДОВАНИЕ ИГРЫ КАК
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФЕНОМЕНА. М.: НИЦ «ЕВРОШКОЛА»,
2017, 276 С. 95

ХРОНИКА

Н. Стойкова

140 ЛЕТ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877-1878 г.г. ПАМЯТНЫЕ
СТРАНИЦЫ В ИСТОРИИ ШУМЕНА..... 99

ЮБИЛЕИ

ДОЦ. Д-Р ИЛИАНА ВЛАДОВА НА 80 ГОДИНИ..... 100

IN MEMORIAM

ДОЦ. Д-Р ЕВДОКИЯ МЕТЕВА(6.05.1920-26.01.2018) 102

А. Вачева, И. Чекова

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ..... 106

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА..... 108

ЛИНГВИСТИКА

Петренко Денис Иванович
доктор филологических наук, профессор
Ставропольский государственный
педагогический институт
Россия, г. Ставрополь
e-mail: textus@mail.ru

Petrenko Denis Ivanovich
Professor, Dr. Sc.
Stavropol State Pedagogical Institute
Russia, Stavropol
e-mail: textus@mail.ru

Штайн Клара Эрновна
доктор филологических наук, профессор
Северо-Кавказский федеральный
университет
Россия, г. Ставрополь
e-mail: textus@mail.ru

Shtayn Klara Ernovna
Professor, Dr. Sc.
North Caucasus Federal University
Russia, Stavropol
e-mail: textus@mail.ru

Д.И. Петренко, К.Э. Штайн

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАЛЕОНТОЛОГИЯ Н.Я. МАРРА В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ 1920-Х – 1930-Х ГОДОВ

Аннотация: Статья знакомит исследователей с архивом Северо-Кавказского горского научно-исследовательского историко-лингвистического института им. С.М. Кирова (1926–1937), репрессированного в 1937 году (Государственный архив Ставропольского края). Анализируется «новое учение о языке» Н.Я. Марра в связи с методом лингвистической палеонтологии. Определяются особенности учения Н.Я. Марра в общей парадигме советского языкознания, возможности его использования в современных исследованиях концептосферы.

Ключевые слова: новое учение об языке, лингвистическая палеонтология, советское языкознание, кавказоведение.

D.I. Petrenko, K. E.Shtayn

LINGUISTIC PALEONTOLOGY OF N.Y. MARR IN THE CONTEXT OF SOVIET LINGUISTICS OF 1920-1930

Abstract: The paper acquaints researchers with archive of the North Caucasian mountain research historical and linguistic institute of S.M. Kirov (1926–1937). The institute was repressed in 1937, its archive is stored in the State archive of Stavropol Krai. Authors analyze "the new doctrine about language" of N.Y. Marr in aspect of methods of linguistic paleontology. The paper is devoted to features of the doctrine of N.Y. Marr in the general paradigm of the Soviet linguistics, a possibility of use of the doctrine of Marr in modern researches.

Keywords: the new doctrine about language, linguistic paleontology, the Soviet linguistics, Caucasus studies.

После Октябрьской революции 1917 года строительство нового общества в СССР во многом базировалось на идеях создания новой культуры и языковой политики. Несмотря на различия в содержании, методы построения общества, культуры коррелировали с уже развивавшимися авангардистскими проектами. В первую очередь, это отказ от наследия прошлого, в языкознании – от «буржуазной науки»; формы науки, искусства были связаны не только с построением всего нового в настоящем, но с активным проектированием будущего. Если авангардисты поэты и художники считали, что они определяют новые задачи в искусстве лет на сто вперед, то построение коммунизма рассматривалось как общемировая задача и цель движения всего мира к единому обществу, единому строю, единому языку. Во многом революционные идеи утопичны, во многом просто ошибочны, но их футурологичность несомненна, так как многое из того, что было придумано в раннем советском искусстве, науке нашло воплощение в будущем уже на новом этапе развития общества.

В.А. Звегинцев в статье «Советское языкознание в 20-е – 30-е годы» (1964) намечает несколько направлений советской лингвистики в первые десятилетия после Октябрьской революции, базировавшихся на разных теоретических принципах. Объединяющей была задача построения марксистского языкознания. Большая группа языковедов продолжала традиции Московской и Казанской школ: Д.Н. Ушаков, В.А. Богородицкий, Г.А. Ильинский, М.М. Покровский, С.П. Обнорский, А.М. Селищев, Е.Д. Поливанов, М.Н. Петерсон, М.В. Сергиевский, А.М. Пешковский. Они отстаивали принципы традиционного сравнительно-исторического языкознания.

Второе направление – «новое учение» о языке, или яфетидология, Н.Я. Марра и его последователей, которые порвали с традицией науки о языке, объявив индоевропеистику «буржуазной» наукой, на основе вульгарно трактуемых «материалистических» положений сделали попытку создать новое яфетическое языкознание.

Третье направление, считает В.А. Звегинцев, связано с работами ученика Н.Я. Марра И.И. Мещанинова, деятельность которого характеризуется отказом от крайних выводов Н.Я. Марра, отходом от многих его принципиальных положений и стремлением найти пути примирения с основами советского и зарубежного языкознания.

Четвертая тенденция связана с концепцией Л.В. Щербы, ученика И.А. Бодуэна де Куртене. Л.В. Щерба развивал ряд интересных и плодотворных идей, обеспечивающих ему самостоятельное положение в советской науке о языке. Школа Л.В. Щербы, имеющая большое количество последователей, оказала значительное влияние на последующее формирование советского языкознания.

Наряду с этими направлениями вплоть до начала 1930-х годов действовали формальные школы в филологии. С 1916 по 1925 год работал ОПОЯЗ – Общество изучения поэтического языка во главе с В.Б. Шкловским. Особенно значимой для развития тех направлений, которые были связаны с изучением кавказских языков, была работа МЛК – Московского лингвистического кружка. Это объединение молодых исследователей, основанное в марте 1915 года по инициативе группы студентов историко-филологического факультета Московского университета при активной поддержке руководителя Московской диалектологической комиссии Д.Н. Ушакова и одобрении, оказанном проекту устава академиками Ф.Е. Коршем и А.А. Шахматовым, как указывает Р.О. Якобсон в статье «Московский лингвистический кружок» (1976) [1, с. 365].

Важную роль в деятельности кружка играли летние экспедиции, которые осуществлялись его активными членами: Ф.Н. Афремовым, П.Г. Богатыревым, А.А. Буслаевым, Г.Г. Дингесом, П.П. Свешниковым, Б.В. Шергиным, Р.О. Якобсоном, Н.Ф. Яковлевым и др., – и сочетали собирание диалектологических материалов с записями фольклорных текстов и этнологическими наблюдениями.

Р.О. Якобсон (впоследствии руководитель МЛК) отмечал возникновение новых подходов к общетеоретическим вопросам: «тесное сожительство», «взаимодействие и амальгамация диалектов», отличительные признаки фольклорного творчества,

связанные «с характером соотношений между сказителем и коллективом» [1, с. 366]. Поездки, организованные в 1916 году, дали ответы на невыясненные вопросы вокализма и классификации южно-великорусских говоров, а также на вопрос о связи между зоной былинной традиции и границами северорусских диалектов. Важным результатом экспедиций 1921–1922 годов под руководством Н.Ф. Яковлева, Л.И. Жиркова и Е.М. Шиллинга было изучение северокавказского языкового и этнического ареала с учетом новых методологических приемов звукового и грамматического анализа. В этот период работали такие крупные лингвисты, как В.В. Виноградов, Д.Н. Ушаков, Б.А. Ларин, Г.О. Винокур, Е.Д. Поливанов и др.

В некоторых случаях объединения лингвистов были непродолжительны. Промежуточное между традиционным языкознанием и яфетидологией положение занимала воинственная, но быстро распавшаяся группа «Языкофронт» или «Языковедный фронт» (Г.Д. Данилов, Я.В. Лоя, К.А. Алавердов и др.). Положения социологической школы нашли отражение в деятельности Р.О. Шор [см.: 2, с. 282–287].

Этой систематизацией не исчерпывается характеристика направлений в языкознании начала XX века. Правительство СССР хорошо понимало роль языка в агитации, пропаганде, формировании идеологии нового общества, была установка на просвещение, на ликвидацию безграмотности, на создание алфавитов и литератур для бесписьменных народов СССР. Создавались словари, грамматики, энциклопедии. Беспримерным подвигом советских лингвистов (В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.М. Томашевский, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Д.Н. Ушаков) можно считать выпуск первого нормативного словаря русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (1935–1940).

Обратимся к тому направлению в лингвистике, которое связано с традицией сравнительно-исторического языкознания, индоевропеистикой, лингвистической палеонтологией и одновременно противопоставлено им. Это «новое учение» о языке Н.Я. Марра и его последователей. «Новое учение о языке» соответствовало всему новому и революционному, футуристически связанному с идеей всеобщего языка. Н.Я. Марр, археолог,

палеонтолог и лингвист, предположил, что прародина мировых языков – Кавказ, установил закон исторического развития языков – их «скрещение» (термин Г. Шухардта), выделил особую ветвь языков – яфетическую (от Яфета – сына Ноя), которая включала языки Кавказа. Термин «яфетиды» встречается в лингвистическом понимании еще в работах XIX века, например, в исследовании Ф. Ружмона «Бронзовый век, или семиты на западе» (1869). Таким образом, к семитским (от Сим), хамитским (от Хам) в терминологическом смысле прибавились яфетические народы и соответствующие языки (от Яфет).

Период развития языкознания 1920-х – 1930-х годов еще мало изучен, хотя есть аналитические исследования, в первую очередь можно назвать работу В.М. Алпатова «История одного мифа: Марр и марризм» (2004) [см.: 2]. Здесь обратимся к теории яфетидологии и методу, использовавшемуся в «новом учении о языке», – методу лингвистической палеонтологии (палеонтологии речи), который ставил в центр своих исследований сам Н.Я. Марр. Речь шла об анализе протоязыка и протокультуры на основе реконструкции древнейших языковых фактов и артефактов первичного периода развития культуры (палеолит, неолит).

Яфетическая теория строится как исследование проблем науки о человеке в контексте его общественной деятельности. «Общественное творчество» человека должно изучаться, по мнению Н.Я. Марра, на основе лингвистического материала, наиболее полно отражающего различные эпохи исторического развития человека. И так как язык – одно из проявлений общечеловеческой культурной деятельности, яфетическое языкознание строится в неразрывной связи с изучением истории материальной культуры, истории общественных форм, истории развития человеческого мышления. Основное внимание уделяется изучению процесса развития человеческой деятельности, генетическим проблемам происхождения языка, взаимоотношения различных систем языков («семей») в их статическом состоянии и эволюции (внутри и между системами) на основе типологии и идеологии. Яфетические языки – центральная проблема учения. Н.Я. Марр определял наличие яфетической стадии в развитии всех мировых языков, которая оставила свои следы в

доисторическом прошлом населения всех материков мира; она может быть изучена, по мнению Н.Я. Марра, по сохранившимся в «исторических языках» элементам яфетической стадии развития (диффузным звуковым комплексам). Современными носителями яфетических языков, по Марру, являются жители Памира (вершики), Пиренеи (баски) и кавказские народы в их многочисленном и разнообразном составе.

Н.Я. Марр считал, что изучение яфетических языков в их статическом состоянии способствует исследованию внутренних процессов их развития, а в связи с этим можно установить и общий ход развития языков вообще. Ставились также другие общемировые задачи: так как яфетическое состояние языков – это лишь один из этапов их развития, можно говорить о предшествующем состоянии и о перерождении яфетических языков в языки других систем. На основании этого выводится общий метод палеонтологического анализа: язык изучается в корреляции с «культуротворчеством» в современном для исследователя состоянии; та же корреляция должна прослеживаться в предшествующем состоянии языка.

По Н.Я. Марру, человеческая речь едина в своем процессе развития. Ее возникновение обусловлено объединением людей для удовлетворения общих жизненных потребностей и общения. Первичное средство общения – язык жестов, телодвижений и мимики (кинетическая речь), а происхождение членораздельной звуковой речи следует искать в магических действиях, необходимых для успеха производственной деятельности и сопровождавших тот или иной коллективный трудовой процесс. Первичный круг понятий, считал Н.Я. Марр, имел культовый характер, так как в мышлении человечества еще не вполне противопоставлялись производственный акт и культовое действие. При выходе коллектива из диффузного состояния мышления увеличивался круг понятий, требовавших новых номинаций. Постепенно кинетическая речь переходила в языковую стадию, изменялось количество звуков, использовавшихся для наименования. При этом в основе образования словарного запаса всего человечества во всем его многообразии, считал Н.Я. Марр, лежали четыре первичных элемента, или четыре первичных звуковых комплекса: сал, бер, йон, рош. Из этих диффузных комплексов

образовались самостоятельные фонемы, которые пересобирались в отдельные слова.

Эти комплексы являлись асемантическими, не имели определенных, закреплённых за ними значений. Но первичная лексика, по мнению Н.Я. Марра, была полисемантической, то есть одно наименование обозначало целый ряд предметов и понятий. Наименования отдельных предметов – более позднее явление, развивавшееся в процессе общественной жизни, изменения мировоззрения, поэтому существенным становится закрепление значения за определенным словом, его семантика, а также их изменение. Ученики Н.Я. Марра многократно пересматривали положения о четырех исходных элементах в образовании языков мира. Так, в работе Н.Ф. Яковлева «Культура кабардинцев и черкесов в прошлом и настоящем» (1928) [см.: 4, с. 277–337], а также в его «Материалах для кабардинского словаря. Вып. 1. Словарь односложных коренных слов и корней типа открытого слога» (1927) определяется около 140 употребительных в кабардино-черкесском языке «звукосочетаний типа открытого слога с краткой огласовкой» – моносиллабических элементов [5, с. VI], от которых идет образование других слов в кабардино-черкесском языке.

В процессе продолжающегося развития человеческой речи семантические дериваты, по мнению Н.Я. Марра, образуют ряд слов с обособившимся значением (семантические ряды), которые объединены между собой первичным значением (семантические звенья) и восходят к одной общей для всего данного семантического ряда основе (начало или первое звено семантического ряда). Такая постановка и выстраивание семантических рядов соответствует теории эволюционных рядов Э.Б. Тайлора [6, с. 35–64]; семиотических эволюционных рядов Ю.С. Степанова [7, с. 18–32]. В процессе исследования значений Н.Я. Марром была разработана теория функциональной семантики и семантических рядов: изменение значения данного слова зависит от изменения роли (функции) именуемого им предмета в общественном его использовании. Слово получает значение в контексте развития производственных отношений, в общественной среде. С переходом

функции одного предмета на другой на последний переносится наименование первого.

В качестве критерия для формирования этимологической науки, истории языка в учении Н.Я. Марра использовались выбранные на основе социального критерия «стабилизация коллективов» звуковые комплексы, что приводило при применении так понимаемого палеонтологического метода к сомнительным выводам. Так, этимология слова «рушить» в традиционном сравнительно-историческом языкознании возводится к глаголам индоевропейских языков (литовского *gāisti*, латышского *gausiai*, древнеисландского *gyska* и др.) со значениями 'рыть', 'разгрести', 'рвать' и т.д. [см.: 8]. В этимологии Н.Я. Марра глагол «рушить» происходит от слова «рука» на основе критерия «функциональное использование названий предметов», наименование «рука» переходит также в номинацию каменных, а затем железных орудий производства [9, с. 24]. «От 'руки' происходят глаголы 'делать', 'строить' и 'разрушать', 'давать' и 'брать', 'бросать', 'направлять', 'мочь', 'осиливать', 'побеждать', 'бить', 'трогать', 'касаться', 'ощущать', и многие десятки других глаголов, в том числе глаголов и отвлеченного значения, даже таких, которые, казалось бы, ничего общего с рукой не имеют... <...> Так еще в связи с происхождением глаголов и 'строить' и 'рушить' одинаково от слова 'рука' надо знать, что основа самого русского слова 'рушить' представляет лишь разновидность основы русского 'рука', собственно первой части этого скрещенного термина, двухэлементного (DA), именно, элемента D (то есть элемента «рош». – *Д.П., К.Ш.*)» [9, с. 24–25].

Н.Я. Марр исходил из постулата о том, что единого индоевропейского праязыка не существовало, а основой для образования языков мира была «иберио-этрusco-италская скрещенная племенная среда» [см.: 10]. Палеонтологический метод Н.Я. Марр освещает в статье «К семантической палеонтологии в языках нефетических систем», опубликованной во втором томе «Избранных работ» в 5 томах [см.: 11].

В основе развития речи лежит процесс скрещивания, по Марру, органического соединения основных элементов, слов одинаковой значимости, что обусловлено скрещиванием человеческих

объединений, племен. В скрещивающихся элементах, словах сохраняется один из семантических компонентов, который проясняет значение слова для «вошедших в общение», «скрестившихся масс». А увеличение словарного запаса идет путем скрещения и фонетической дифференциации (различия в звуках) тех же четырех основных элементов. В период племенных образований, считает Н.Я. Марр, разновидности этих основных элементов и их сочетаний образуют свои основы слов в племенном словотворчестве, в национальных языках. А в дальнейшем процессе развития речи для выражения сложных понятий используются составные слова из соединения двух и более разных слов. «...так 'три' (2+1) груз. sa-m (свистящей группы) || чан. ши-m (шипящей группы), составленное из sa ← sal 'два' || ши ← шиг 'два', и m (← me || ma) 'один', причем языки финской системы сохранили в своих разновидностях спирантного типа плавный звук (l вместо r), утраченный яфетическими языками Кавказа: суоми kol-me 'три' (из '2 и l')» [9, с. 23]. Как видим, значение слова «три» в различных языках складывается, по этой теории, из простой суммы значений слов «два» и «один», которые при скрещении образуют слово «три».

Как считает Н.Я. Марр, палеонтология речи помогает обнаружить, что значения слов возникли не по каким-либо физическим или иным свойствам предмета, а по его функции: «На термин 'хлеб' перешло название 'дуба' или 'жёлудя', служившего раньше в роли хлеба. На 'лошадь' перешло название 'собаки', службу которой в роли животного для передвижения стала отправлять 'лошадь'. Также 'дом' получил свое название не по материалу, не по форме, а по функции служить 'покрывом', 'защитой', то есть по слову, означавшему прежде всего 'небо', 'верх', 'крышка', 'покрышка', 'покров', 'сень' и т.п.» [9, с. 23].

В развитии человеческой речи, идущем в соответствии с развитием человеческих отношений, следовательно, и с развитием других проявлений «культуротворчества», выделяются эпохи, характеризующиеся господствующим мировоззрением – стадиями: стадия магического восприятия, стадия космического восприятия и т.д. Языки можно охарактеризовать по присущим им комплексам «координат» – сумме признаков. По наличию комплекса признаков

определялась группа языков, именуемая системой: яфетические системы, семитическая система, индоевропейская система и т.д. Язык, считает Н.Я. Марр, – одно из проявлений культурной жизни человека. Поэтому деление на стадии и системы, установление «координат», выяснение основных элементов и т.д. должно быть проведено и в других проявлениях «культуротворчества» – в изучении памятников материальной культуры, мифотворчества (см. подробнее работу И.И. Мещанинова «Введение в яфетидологию», 1929 [12]; Н.Я. Марра «Язык» (1927), «Этапы развития яфетической теории» в томе первом «Избранных работ», 1933 [9, 13]).

В выпущенной нами антологии «Caucasica. Кавказоведение: Страницы прошлого» [см.: 15] опубликованы материалы архивного фонда (331 ед. хр.) и научной библиотеки репрессированного в 1937 году Северо-Кавказского горского научно-исследовательского историко-лингвистического института им. С.М. Кирова (1926–1937), организованного в период наиболее бурного расцвета «нового учения о языке». Институт работал во Владикавказе, Ростове-на-Дону, Пятигорске. Его программа была связана с реализацией языковой политики и языкового строительства советского правительства на Кавказе: в кратчайшее время надо было создать, и были созданы алфавиты, грамматики, учебники для бесписьменных народов Кавказа. Учение Н.Я. Марра, в определенной степени, содействовало вниманию к языкам данного региона [см.: 4, 14].

Впоследствии в нашей стране и за рубежом были созданы фундаментальные труды в области лингвистической палеонтологии. А многое из того, что было сделано в начале XX века: авангардистское искусство, авангардистское государство, новая наука, в том числе и скандальная яфетидология, – было обращено в прошлое и в то же время в определенной степени связано с проектированием будущего. Лингвистическая палеонтология в настоящее время – одна из интереснейших областей языкознания, лингвокультурологии, истории культуры. Современные работы Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры» (1984), «Энциклопедия индоевропейской культуры» под редакцией Дж. Мэллори и Д. Адамса (J.P. Mallory,

Douglas Q. Adams, ed. «Encyclopedia of Indo-European Culture», 1997) – выдающиеся образцы исследований в области индоевропеистики и лингвистической палеонтологии. Интересное преломление этих дисциплин в области разработки концептосферы дает Ю.С. Степанов в работе «Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования» (1997).

Обращение к прошлому, к фактам истории лингвистической палеонтологии, которая лежала в основе экспериментов и гипотез Н.Я. Марра, его «нового учения о языке», возможно, в определенной степени обогатит и современную науку. Не случайно Ю.С. Степанов в работе «Константы. Словарь русской культуры» (1997) остроумно замечает, что необходимо «отвести фантастические крайности» Н.Я. Марра и использовать его «рациональные идеи» [7, с. 207], а также идеи его учеников. Работа Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» (1997) – это как раз новый поворот в использовании многих достижений отечественной и зарубежной лингвистической палеонтологии, объединение данных языка и культуры в едином понятии концепта.

Библиографический список

1. Якобсон Р.О. Московский лингвистический кружок (Подготовка текста, публикация, вступительная заметка и примечания М.И. Шапира) // *Philologica*. – Т. 3. –1996. – С. 361–379.
2. Звегинцев В.А. Советское языкознание в 20-е – 30-е годы // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях: В 2 ч. – М.: Госучпедгиз, 1964. – Ч. 2. – С. 282–287.
3. Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. – М.: УРСС, 2004.
4. Петренко Д.И., Штайн К.Э. Лингвистическая палеонтология культуры: Языкознание. Кавказоведение: Монография. Ростов-на-Дону: ИП К.Р. Попов («Полиграф-Сервис»), 2017. – 462 с.
5. Яковлев Н.Ф. Материалы для кабардинского словаря. Выпуск I. Словарь односложных коренных слов и корней открытого слога. – М.: Центральное издательство народов СССР, 1927.
6. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
7. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 1997. 824 с.

8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М.: Прогресс, 1986–1987.
9. Марр Н.Я. Язык // Язык и история. Сборник первый. – Л.: ОГИЗ, 1936. С. 17–27.
10. Марр Н.Я. Иберо-этрusco-италская скрещенная племенная среда образования индоевропейских языков // Марр Н.Я. Избранные работы: В 5 т. – Л.: Государственная академия истории материальной культуры, 1933. – Т. 1. – С. 187–188.
11. Марр Н.Я. К семантической палеонтологии в языках неяфетических систем // Марр Н.Я. Избранные работы: В 5 т. – Л.: Государственная академия истории материальной культуры, 1933. – Т. 2. – С. 246–288.
12. Мещанинов И.И. Введение в яфетидологию. – Л.: Прибой, 1929. – 203 с.
13. Марр Н.Я. Избранные работы: В 5 т. – Л.: Государственная академия истории материальной культуры; Государственное социально-экономическое издательство, 1933–1935.
14. Штайн К.Э., Петренко Д.И. Язык. Языкознание. Идеология: От социализма к российскому капитализму. – Ростов-на-Дону: ИП К.Р. Попов («Полиграф-Сервис»), 2016. – 388 с.
15. Caucasia: Кавказоведение. Страницы прошлого. По материалам архива и библиотеки Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института имен и С.М. Кирова (1926–1937): Антология / Составители К.Э. Штайн, Д.И. Петренко. – Ростов-на-Дону: ИП К.Р. Попов «Полиграф-Сервис», 2017. – 1148 с.

Хуан Шицзэн
профессор
Факультет иностранных языков и
литератур
Университета Цинхуа
Пекин, г. Китай
e-mail: hsz@tsinghua.edu.cn

Huang Shizeng
Professor
Faculty of Foreign Languages and
Literatures
of the University of Tsinghua
Beijing, China
e-mail:hsz@tsinghua.edu.cn

Х. Шицзэн

ИЗ ОПЫТА СОСТАВЛЕНИЯ ДВУЯЗЫЧНОГО УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ (НА ПРИМЕРЕ «КРАТКОГО РУССКО- КИТАЙСКОГО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ»)

Аннотация. В данной статье вкратце описывается опыт создания двуязычного учебного словаря, рассматриваются характер и особенности предлагаемого словаря, его структура и построение словарной статьи, показываются фрагменты из «Краткого русско-китайского научно-технического словаря».

Ключевые слова: особенности словаря, отбор словарных единиц, структура, построение словарной статьи

H. Shizeng

FROM THE EXPERIENCE OF COMPILING A BILINGUAL TEACHING DICTIONARY (ON THE EXAMPLE OF «A CONCISE RUSSIAN-CHINESE SCIENTIFIC AND TECHICAL DICTIONARY»)

Abstract. This paper briefly describes the experience of compiling a bilingual teaching dictionary, deals with the character and features of the proposed dictionary, its structure and the construction of a dictionary entry, shows the fragments of the «A Concise Russian-Chinese Scientific And Technical Dictionary» .

Keywords: dictionary features, selection of dictionary units, structure, dictionary entry

Лексикографическое дело в Китае имеет тысячелетнюю историю. Еще в династии Западная Хань в начале новой эры был создан ранний китайский словарь – 【尔雅字典】 («Словарь РЯ»), который многократно переиздавался на протяжении последующих столетий. При династии Цин в 1709 году вышел из печати большой толковый словарь китайского языка – 【康熙字典】 («Словарь

Канси»), который до настоящего дня выдержал более десяти изданий и оказал большое влияние на дальнейшее развитие китайской лексикографии.

Двуязычная лексикография получила стремительное развитие за последние сто лет, в особенности после образования нового Китая. Появились различные двуязычные словари – свыше сорока языков, в том числе русско-китайский и китайско-русский словари. Несомненно, они оказывают читателям огромную помощь в овладении иностранным языком и служат мостом межъязыковой и межкультурной коммуникации. Различные словари русского языка, выпущенные в Китае, в той или иной мере удовлетворяют потребности читателей, изучающих русский язык, однако, студентам и аспирантам вузов, в частности технических, нужен практический словарь как учебное справочное пособие. В соответствии с нуждами обучения кафедра русского языка университета Цинхуа взялась за разработку и создание учебного русско-китайского научно-технического словаря. Она работала над ним в течение многих лет и, наконец, выпустила в свет **«Краткий русско-китайский научно-технический словарь»** под редакцией Хуан Шицзэна.

Рассмотрим характер и особенности словаря, отбор словарных единиц, структуру словаря и построение словарной статьи .

ХАРАКТЕР И ОСОБЕННОСТИ СЛОВАРЯ

Каким должен быть такой словарь?

На наш взгляд, такой словарь должен отвечать следующим основным требованиям:

1. Учитывая потребности студентов, аспирантов и научных работников в изучении русского языка, он должен быть словарем учебного характера.

2. Он должен обеспечить обучающимся достаточным запасом слов, с помощью которого можно было бы читать и переводить научную и техническую литературу, а также овладеть устной речью.

3. Он должен дать пользователям обширный словник и семантико-грамматические сведения об употреблении слов.

4. Он должен быть кратким учебным словарем небольшого формата, удобным для пользования..

Основные особенности словаря таковы:

1. Будучи настольным словарем-справочником для студентов и аспирантов при изучении русского языка, он оказался бы читателям полезны и удобны, где бы они им ни пользовались – дома или на работе.

2. В отличие от обычных русско-китайских словарей, он предназначен главным образом для чтения и перевода научной и технической литературы.

3. В отличие от больших толковых словарей, будучи сравнительно небольшим по объему, он включает, по возможности, как можно большее количество наиболее употребительных слов и общенаучно-технических слов, исключая редко употребительные слова и узкоспециальные термины.

4. В отличие от словарей специальных терминов, он не только дает значения слов путем перевода, но и содержит необходимые сведения об употреблении слова в словарной статье придает данному словарю не только рецептивный, но и продуктивный характер.

ОБЪЕМ СЛОВАРЯ И ОТБОР СЛОВАРНЫХ ЕДИНИЦ

Прежде чем приступить к составлению словаря, необходимо было четко определить назначение и объем словаря. Учитывая что, словарь предназначен для удовлетворения потребностей в чтении научной и технической литературы, а также и в овладении устной речью, авторы словаря определили объем словаря порядка 25 000 слов с учетом его назначения и задач обучения..

Было бы идеально составить такой словарь, используя какой-нибудь русско-китайский словарь учебного характера как словарь-источник, однако, к сожалению, не было издано такого словаря. Авторам пришлось тщательно отбирать лексику словаря, в основном опираясь на следующие словари:

1. Частотный словарь русского языка под редакцией Л.Н. Засориной..

2. Комплексный частотный словарь русской научной и технической лексики П.И. Денисовой и др.

3. Учебный русско-англо-французско-немецкий словарь общетехнической лексики И.Ф. Рудаковой.

4. Словарь русского языка С.И. Ожегова.

5. 俄汉大词典 (刘泽荣主编) (Большой русско-китайский словарь под редакцией Лю Цзэжуна) .

6. 俄汉综合科技词汇 (科技出版社) (Комплексный русско-китайский словарь научно-технической лексики).

Основным критерием отбора слова в нашем Словаре являлась его частотность и употребительность в научно-технической литературе. При включении в Словарь слов и их значений авторами отбирались общеупотребительные и общенаучно-технические слова, но не включались узкоспециальные термины, относящиеся к какой-либо одной отрасли знания.

СТРУКТУРА СЛОВАРЯ И ПОСТРОЕНИЕ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

Данный словарь включает в себя следующие части:

1. Предисловие «От редакции», в котором дается краткая характеристика словаря и излагаются цель и задачи, а также назначение словаря.

2. Раздел «Как пользоваться словарем», в котором содержатся следующие части: а) словарная статья, б) часть речи, в) толкование значений, г) знаки.

3. Список условных сокращений, принятых в словаре.

4. Русский алфавит, содержащий перечень всех букв.

5. Словарная часть от «А» до «Я».

6. Таблицы склонения имен существительных, прилагательных и спряжения глаголов.

Каждая словарная статья содержит следующие элементы: а) заглавное слово, б) грамматическая характеристика, в) толкование значений посредством перевода.

Заглавные слова снабжены знаком ударения. Они напечатаны жирным шрифтом и расположены в алфавитном порядке. Во всех заглавных словах указывается часть речи. Например: **свет** [阳] (м.р.), **дорога** [阴] (ж.р.), **железо** [中] (с.р.), **научный** [形] (прил.), **сто** [数] (числ.), **давать** [未] (несов.в.), **дать** [完] (сов.в.) и другие. При многих из них приведены производные слова и словосочетания. Например: **восток**/восточный; **включить**/включение, **включить** станок; **беглый**/бегло/беглость, беглое чтение.

В словарных статьях дана грамматическая характеристика слов; особое внимание уделяется именам существительным, именам прилагательным и глаголам. На первом месте помещено заглавное слово, после него, если это трудносклоняемое существительное, то это отмечается: **путь**, *-и, -ём, о пути*; **бок**, *о боке, на боку*. Если при образовании форм множественного числа имеются отклонения от общих правил, то приводятся формы множественного числа: **небо**, *небеса, небес*; **судно**, *суда, судов*.

Имена прилагательные приводятся в форме мужского рода, например, **короткий**, и указываются окончания остальных форм в словосочетаниях *коротк|ая палка, коротк|ое замыкание, коро|че говоря*.

В словарной статье, посвященной глаголу, приводится видовая пара (брать/взять; входить/войти). После инфинитивной формы, если это неправильный глагол, то даются личные окончания: **идти**, *иду, идёшь, идут, прош. вр. шёл, шла, шли*; **сказать**, *скажу, скажешь*. Вслед за этим отмечается глагольное управление: **делать** *кого-кем, что-чем*; **ждать** *кого-что, кого-чего*; **снабжать** *что-чем*.

В словарных статьях толкование значений слова осуществляется путем перевода. В случаях, когда точный перевод невозможен, даются приблизительные эквиваленты. К многозначному слову, как правило, даются переводы основного и переносного значений, в частности значений, относящихся к области техники. Варианты перевода, разделенные запятой, синонимичны. Различные значения многозначного слова разделены точкой с запятой. Например: **база**, ① 基础, 基地 *материальная база 物质基础, производственная база 生产基地*; ② 站, 仓库 *судоремонтная база 修船站, нефтяная база 油库*; ③ <数> 基数 *переменная база 可变基数*; ④ <计> 基极, 基区 *база триода 三极管基极 слой базы. 基区层. поле*, ① 田地, 场地, 场 *рисовое поле 稻田, опытное поле 试验田, магнитное поле 磁场*; ② 界限, 范围 *поле зрения 视界, поле допуска 公差范围*; ③ <计> 字段, 信息组 *контрольное поле 控制字段, поле чисел со знакам 带区号信息组*. Омографы (т.е. слова, имеющие одинаковое написание, но различное ударение и значение) приводятся как отдельные заглавные слова в том порядке, в котором

Составление переводного словаря – творческая и весьма кропотливая работа. Что касается нашей работы, то она представляет собой первый опыт создания двуязычного учебного словаря. Авторы в полной мере сознают, что в словаре далеко не все удачно, существуют еще недостатки и недочеты. После принятия критических замечаний словарь должен быть улучшен. Между прочим, работа над этим словарем велась более тридцати лет назад, естественно, цель и объем словаря должны быть несколько иными. Более того, словарный состав языка находится в состоянии непрерывного изменения, в связи с этим существующий словарь должен во время пополняться новыми словами, возникшими в наши дни. Широкий круг читателей ожидает появления нового переработанного учебного русско-китайского научно-технического словаря, а авторы словаря должны своевременно удовлетворить запросы читателей.

Библиографический список

1. Б. Татар. Русская лексикография. Tanon Yvkkiado, 1985.
2. Хуан Шицзэн. О работе над многоязычным словарем устно-разговорной речи. Сборник статей, том I, стр. 803-805 XII Конгресс МАПРЯЛ 2011.
3. L. Zgusta 拉.慈古斯塔 词典学概论 商务印书馆 (на китайском языке), 1983
4. 李明、周敬华 双语词典编纂 上海外语教育出版社 (на китайском языке), 2001.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Захариева Ирина Петровна
доктор по русской литературе,
доцент
Софийский университет им. Св.
Климента Охридского
Болгария, г. София
e-mail: irina_zaharieva@abv.bg

Zaharieva Irina Petrovna
Associate Professor, PhD
Sofia university «St. Kliment Ohridski»
Bulgaria, Sofia
e-mail: irina_zaharieva@abv.bg

И. П. Захариева

ВЕДУЩИЕ ИДЕИ СТРУКТУРАЛИЗМА В МЕТОДОЛОГИИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ (ТРУДЫ ЮРИЯ ЛОТМАНА)

Аннотация: В статье представлены основные положения методологии литературоведческого структурализма, развитые в работах основателя нового направления Юрия Лотмана. Показано сближение структурализма с семиотикой. Выясняется смысл термина «структурализм» и связанность новой методологии с семиотической синтактикой – разделом, изучающим структуры знаковых систем. Говорится об отличии структурализма от предшествующего формализма. Затрагивается и тема структурности художественного текста. При уподоблении произведения искусства модели творчество осмысливается как процесс моделирования: структура отдельной художественной модели отражает структуру сознания и мировоззрения автора.

Ключевые слова: Структурализм, семиотика, функциональность, синтактика, текст, модель.

I.P.Zaharieva

LEADING IDEAS OF STRUCTURALISM IN THE METHODOLOGY OF LITERATURE (YURY LOTMAN'S WORKS)

Abstract: The article presents the main provisions of the methodology of literary structuralism, developed in the works of the founder of the new direction of Yuri Lotman. The approach of structuralism to semiotics is shown. The meaning of the term "structuralism" and the connectedness of the new methodology with semiotic syntactics - a section studying the structures of sign systems - are elucidated. It is a question of the difference between structuralism and the preceding formalism. The theme of the structure of the artistic text is also touched upon. When the work of art is compared to the model, creativity is interpreted as a modeling process: the structure of a particular artistic model reflects the structure of the author's consciousness and worldview.

Keywords: Structuralism, semiotics, functionality, syntactics, text, model.

В начале 1960-х годов литературовед *Юрий Лотман* [1922-1993] находился в состоянии интенсивных поисков новой методологии в изучении художественной литературы. Побудительным толчком для него послужил интерес к кибернетике – всемирной науке о закономерных процессах управления и передачи информации в машинах, живых организмах и в обществе [основатели учения – американцы Норберт Винер и Клод Шеннон]. Зачинатели выдвигали формулу, согласно которой свобода связывалась с системностью и обратной связью.

Изучение теории информации привело Лотмана к методологии структурализма и семиотики. Структурализм – составная часть семиотики, а семиотику, как науку о знаках, ученый воспринимал в качестве универсальной науки, охватывающей все области человеческой культуры. Для него оставался несомненным тот факт, что, овладевая речью, человек вовлекается в систему всеобщей знаковости.

В зависимости от характера связей элементов в триаде обособляются три раздела с наименованием семантики, синтактики и прагматики. Синтактика изучает структуры, т.е. внутреннюю организацию знаковой системы. Прагматика изучает связи знака с получателем информации.

Структурализм, как научное направление в филологии, в первую очередь связан с разделом *синтактики*, изучающим структуры знаковых систем.

В начале шестидесятых годов заявила о своем существовании Тартуско-московская школа структуралистов, возглавляемая Юрием Лотманом.

Структуралисты, в отличие от формалистов, не отрицали историзма. Лотман совмещал в исследованиях синхронические анализы с выяснением диахронии литературных процессов.

Поэтика структуралистов шестидесятых годов генетически была связана с символистскими и авангардными теориями поэтического слова и далее – с поэтикой «формальной школы», со структуральной лингвистикой.

В своих «Лекциях по структуральной поэтике» [Тарту, 1964; переиздание – Москва, 1994] Лотман осмыслял применение метода

структурализма в науке о литературе. Обозначалась тенденция сближения литературоведения с точными науками, где процессы систематизируются и объективно описываются.

С точки зрения литературоведов-структуралистов, художественное произведение воспринимается как структура, состоящая из элементов. Изучается функциональное соотношение элементов внутри структуры и их соотнесенность с более масштабной структурой как сложносоставной частью культурного целого.

Структура отдельного произведения вписывается в структуру творчества писателя, поэтологического течения и наконец в структуру национальной, затем мировой литературы. Подлежит изучению неисчислимо многообразие структур [например, структура идеи или структура авторского представления о действительности].

Анализ структуры произведения включает два уровня исследования. На *физическом* уровне произведение анализируется как феноменальная образно-стилевая система. На *абстрактном* уровне исследования анализируются типологизированные отношения между элементами структуры произведения. Во втором случае структура описывается в терминологической отвлеченности, в отрыве от конкретно-чувственного осмысления произведения. В произведении искусства может преобладать физическая сторона, абстрактная сторона или же равновесие обеих сторон. Изобразительность предполагает конкретность описания, а символика требует отвлеченного стиля описания. Структуральный метод, по Лотману, способен создать необходимую системную целостность в познании литературы и культуры.

Теория искусства в лекциях Лотмана излагается в свете семиотики. Произведение искусства – *знак*, вступающий в соотношение, именуемое *знак-объект* и *знак-код*.

Понятие *знак-код* подразумевает специфический язык передачи сведений. Использование термина *код* побуждает к распознаванию зашифрованной модели через составляющие ее элементы. Язык произведения литературы и искусства – это уникальная система художественных средств. Сочетание понятий *знак-объект* и *знак-код*

подводит к восприятию художественного произведения как явления моделирующего [воспроизводящего реальный объект] и явления семиотического [знаково зашифрованного].

Знаки в семиотической системе соединяются по законам синтагматики, образуя текст [не только графический]. Текст адресован получателю информации, но реципиент должен распознавать язык текстового послания. Семиотический анализ ведет потребителя искусства от конкретности к обобщенности и формирует в его сознании систему абстрактных понятий. Идея знаково-коммуникативной природы искусства – лейтмотив методологических внушений Лотмана.

В «Лекциях» обособляется тема «Искусство и проблема модели». При уподоблении произведения искусства модели творчество рассматривается как процесс моделирования. Имея общее представление об объекте, художник моделирует собственное представление о реальности. Потому произведение искусства является моделью, связанной с двумя объектами, - с объективной действительностью и с субъективной личностью автора.

Занимаясь современной методологией изучения литературы, Лотман в новых условиях развивал идеи русских формалистов, но в его построениях явно обозначался и поворот: на смену *морфологическому* методу формалистов [с их вниманием к составляющим компонентам системы] приходил *функциональный* метод структуралистов, связанный с изучением характера связей внутри системы.

Серия «Труды по знаковым системам» – издание университета в Тарту – пополнялось в течение 28-ми лет: с 1964-го года до 1992-го года, когда Лотману исполнилось 70 лет. В тартуской серии насчитывается 25 выпусков «Трудов». В советский период «Труды» структуралистов распространялись негласно, так как они противоречили установкам на политизацию советской культуры, и вызывали огромный интерес.

Работа участников тартуских семиотических изданий показывала, что с течением времени объединялись традиции московской лингвистической школы и питерской литературоведческой школы. Аналитики-семиотики обогащали

историзм на новом витке методологической спирали. Научная продукция продукция русскоязычных структуралистов шестидесятых – восьмидесятых годов проникала в официальное советское литературоведение подспудно, но неудержимо и повсеместно.

Лотмановская теория литературного текста

В 1970-ом году в Москве была опубликована книга Юрия Лотмана «Структура художественного текста».

Текст, по Лотману, это графически зафиксированное художественное целое [или же фрагмент целого]. Это изменчивое текучее явление, обладает двумя неизменными признаками. Во-первых, текст художественного произведения есть сумма графических знаков, а во-вторых - произведение реально дано нам как текст. Потому текст может рассматриваться как *знак*, а части текста – как *элементы знака*.

Чтобы стать текстом [т.е. художественным целым] графически закрепленный документ должен быть определен в его отношении к замыслу автора, а также в отношении к эстетическим понятиям эпохи и к другим факторам, графически не проявленным в тексте. Относительно текста нужно помнить о его неперменной включенности в определенный *контекст* [исторический, реальный или же условный]. Культурный контекст напрямую связан с функционированием художественного текста.

При изучении художественных феноменов вычлняются уровни, или системы отношений. В уровнях различаются две системы связей: внутри текстовые и внетекстовые, относящиеся к контексту. Внутритекстовые связи противопоставляются внетекстовым по принципу антитезы субъективное - объективное. Текст не может быть воспринят в отрыве от внетекстового фона.

Текст художественного произведения индивидуален. В нем различают два *нерасчленимых* плана: план содержания и план выражения. Принцип слитности двух планов художественного произведения отделяют структурализм, как метод изучения литературы, от формализма. Смысловую глубину тексту придают оппозиции плана выражения в тех случаях, когда они становятся признаками плана содержания.

Именно в художественном произведении, по выражению Лотмана, слово *текст* оправдывает свою этимологию: текст [лат.] - *сотканный, сплетенный*. Текст может выступать как отдельное художественное произведение или же как его часть. Термин текст – по линии расширения понятия - применяется как к отдельному жанру, так и к стилевому течению, к эстетическому направлению, к национальной литературе в целом.

В структуре художественного текста [по Лотману] одновременно действуют два противоположных механизма: один стремится превратить текст в автоматизированную, легко распознаваемую грамматику, а другой стремится разрушить автоматизацию и сделать структуру носителем новой информации.

В коммуникативном плане процесс изучения текста порождает ряд проблем. Если кодовая природа изучаемой структуры известна потребителю искусства, он воспринимает данную структуру как *эстетику тождества*, а если кодовая природа структуры реципиенту неизвестна, значит структура воплощает собой *эстетику противопоставления*. Например, в романах Л.Н. Толстого, по сравнению с романами И.С.Тургенева, мы распознаем эстетику тождества [реалистическую], а романная трилогия Д.С.Мережковского - в сравнении с Толстым и Тургеневым – воспринимается нами как эстетика противопоставления [символизм противопоставляется реализму].

Проблема нормы в эстетике тождества и проблема разрушения нормы в эстетике противопоставления [иными словами, верность канону или же деконструкция канона] связаны с изучением механизма художественного новаторства.

В качестве исходной модели Юрий Лотман воспринял коммуникативную модель, данную Романом Jakobsonом в его статье «Лингвистика и поэтика» [1960]:

Контекст
Текст [сообщение]
Отправитель-Получатель
Контакт
Код.

Получатель с помощью кода овладевает языком предлагаемого текста.

К типовой коммуникативной модели Jakobsona [он – он] Лотман добавлял свою вариант [я – я], когда информация циркулирует внутри личностного сознания и образует так называемый «внутренний монолог». В статье «О двух моделях коммуникации в системе культуры» [1973] Юрий Лотман различал коммуникативные процессы *он – я*; *я – я*. При внутриличностном процессе коммуникации часть полученной извне информации стимулирует творческий процесс индивида, и сознание автора наращивает полученную информацию.

К концу XX века в литературоведении производят впечатление перепады к адмириации бессознательного, к отрицанию связи текстов с реальностью. В создавшихся условиях абсолютную ценность приобретает объективная истина, высказанная ученым – формалистом и семиотиком – Густавом Шпетом в работе «Эстетические фрагменты» [1923]. Автор говорил о том, что исследователь, проникая вглубь содержания художественного произведения, видит систему форм, их напластование, а мера содержания, наполняющего данную форму, определяет уровень, до которого проник исследовательский анализ.

Остается неодолимой истина, согласно которой *форма* познается ради выяснения *смысла* художественного творения.

Вектор развития русского структурализма

Исследователь-новатор Михаил Бахтин неоднократно отдалялся от структуралистов. Между тем русские литературоведы структуралистского направления широко применяли бахтинские идеи. В 1973-ем году Вячеслав Иванов выступил на семиотическом форуме с докладом, озаглавленным «Значение идей Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики». Доклад был опубликован в журнале «Диалог. Карнавал. Хронотоп» [Москва, 1996, №3]. В заглавии журнала запечатлены теоретико-методологические научные открытия Бахтина.

При анализе сюжетов Юрий Лотман опирался на бахтинские разработки хронотопа и романного слова. В статье «Слово в романе» Бахтин рассуждал о знаковой природе слова в связи с

безграничностью смыслового насыщения романного слова. Следуя за Бахтиным, Лотман обращал внимание на сюжетную многосмысленность романа. Пользовался Юрий Лотман и бахтинским понятием *хронотоп* при изучении жанровой типологии романа. Так что невозможно говорить о разрыве между Бахтиным и структуралистами.

Общеметодологический «сдвиг» в структуралистском литературоведении приходится на то время, когда Юрий Лотман выдвинул идею многосоставности коммуникации любого типа [это относилось и к «моделям текстов культуры»]. «Модель текста культуры» описывалась как результат конвенции *внеэстетическое/эстетическое*; в модели видели соединение языков различных видов искусств.

В восьмидесятых годах, при сохранении конструктивного подхода к тексту, исследователи литературы были склонны привлекать все более обширный слой внетекстовой информации. Направленность развития структуралистской методологии в 1980-х годах сопоставима с состоянием формализма во второй половине 1920-х годов. Общность состоит в потребности расширения сферы анализа. В структурализме позднего периода [рубежа 1980-х - 1990-х годов] прогрессировал процесс размывания структуры изучаемого текста.

Размывание структуры текста совершалось в нескольких направлениях: включение в анализ текста разнообразной культурной информации; концентрация внимания на межтекстовых культурных связях; вовлечение теоретического наследия Бахтина в русло структуралистской методологии. Михаил Бахтин своими внушениями подводил структуралистов к выводу, что анализ текста должен быть открыт для внешней интертекстуальной информации.

Структурализм вывел на поверхность текстуальную, дискурсивную природу литературы и подготовил движение навстречу постструктуральным представлениям. Вместе с тем структурализм, как методология, сохранил свой научный фундамент, преломляя в себе интервенцию деконструктивистских идей. Овладение структуралистской методологией требует развития умений обобщать разнородный материал, подлежащий

классификациям в глобализированных концептах. Структуралистский подход поощряет также изучение поэтологической уникальности индивида-творца. В силу всего сказанного анализируемая методология оказывается наиболее приемлемой в академических исследованиях по литературоведению и культурологии.

В настоящее время на первый план выдвигается *концептуально-культурологическое* направление, позволяющее подготовить методологический фундамент для наиболее плодотворного изучения литературного процесса в его универсальности. Прокламируемое направление требует подхода к слову с точки зрения не только литературоведов, но также и лингвистов, представителей философии, искусствознания и пр.

Библиографический список

1. Лотман Ю. Анализ поэтического текста. Москва: Лабиринт, 1972. – с.704.
2. Лотман Ю. Культура и взрыв. Москва: Гнозис, 1992 – с.272.
3. Лотман Ю. Лекции по структуральной поэтике. Москва: Гнозис, 1994. – с.560.
4. Почепцов Г. История русской семиотики. Москва: Лабиринт, 1988. – с.336.
5. Шпет Г. Эстетические фрагменты. Петербург: Колос, 1923. – с.116.
6. Якобсон Р. Работы по поэтике. Москва: Прогресс, 1987. – с.464.
7. Ярхо Б. И., Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы, Издание подготовили М. В. Акимова, И. А. Пильщиков и М. И. Шапир, Под общей редакцией М. И. Шапира, Москва: Языки славянских культур, 2006. – с.927.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Жунусова Жаныл Нагызбаевна
доктор филологических наук,
профессор
Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева
Казахстан, г. Астана
e-mail: zhanyl08@mail.ru

Zhunusova Zhanyl Nygisbaebna
Doctor of philology, Professor
L.N. Gumilyov Eurasian National
University
Kazakhstan, Astana
e-mail: zhanyl08@mail.ru

Селиверстова Жанна Болатовна
докторант
Евразийский национальный
университет
им. Л.Н. Гумилева
Казахстан, г. Астана
e-mail: seliverst.zh@gmail.com

Seliverstova Zhanna Bolatovna
PhD student
L.N. Gumilyov Eurasian National
University
Kazakhstan, Astana
e-mail: seliverst.zh@gmail.com

Ж.Н. Жунусова, Ж.Б. Селиверстова
**«СТЕПЬ» В АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА Г. Д.
ГРЕБЕНЩИКОВА**

Аннотация: В статье раскрывается авторский концепт «степь» на материале романа Г. Д. Гребенщикова «Сто племен с единым». Подтверждается, что для писателя это не «безлюдное пространство», а историческое место жизни казахского народа, одушевленная природа, место драматических событий 1916 года. Авторский концепт «степь» интегрирует русское и казахское восприятие Степи.

Ключевые слова: авторская картина мира, степь, концепт, Г. Д. Гребенщиков, концептуальный анализ.

Z.N. Zhunusova, Z.B. Seliverstova
**«STEPPE» IN THE AUTHOR'S PICTURE OF THE WORLD OF G.D.
GREBENSHCHIKOV**

Abstract. The author's concept of «steppe» is revealed on the material of the novel by G. D. Grebenshchikov "One hundred tribes in one". It is confirmed that for the writer this is not a "deserted space", but a historical place of life for the Kazakh people, animate nature, the place of the dramatic events of 1916. The author's concept of «steppe» integrates the Russian and Kazakh perception of the Steppe.

Keywords: author's picture of the world, steppe, concept, G. D. Grebenshchikov, conceptual analysis.

Тема казахского Степного края занимает существенное место в творчестве Г.Д. Гребенщикова. Его повесть «Ханство Батырбека» (1913), перевод с польского языка поэмы Г. Зелинского «Киргиз» (1910), ряд рассказов и включение персонажей-казахов во многие произведения свидетельствуют о несомненном и устойчивом внимании писателя к казахскому народу. Изначально его внимание к культуре Степного края обусловлено биографическими обстоятельствами. Будучи уроженцем современной Восточно-Казахстанской области (Шемонаихинский район) и впоследствии живя в Семипалатинске, Г.Д. Гребенщиков проходил начальные этапы становления личности (индивидуальной, языковой, творческой) в обществе, которое представляло собой мозаику русской и казахской культуры. «Наш край, – пишет Ш.Р. Елеукенов, – нечасто рождает писателей такого масштаба, как Гребенщиков, одинаково близких как Казахстану, так и России... В лице Гребенщикова мы видим тип писателя, который особенно необходим в наше время, писателя, чьи произведения не противопоставляют один народ другому, а находят общее, роднящее в традициях, культуре, образе жизни людей разных национальностей» [5].

В 1911 году Г.Д. Гребенщиков задумал цикл романов из сибирской жизни, объединенных общим названием «Чураевы». Однако полный замысел автора, заключающийся в создании романа-эпопеи из 12 томов, осуществить не удалось. Сложные условия жизни писателя и череда исторических катаклизмов, начавшаяся в 1914 году, отнюдь не благоприятствовали стабильной и сосредоточенной работе над рукописями. Тем важнее и значительнее для нас тот факт, что в подготовленных им книгах романа мы находим свидетельства глубокого и искреннего внимания писателя к судьбе казахского народа. Художественное отображение исторических событий не менее важно, чем документальное, для понимания исторической картины и в деталях, и в целом. Облачая факты истории в художественную форму, творческая личность помогает читателю глубже проникнуть в смысл происшедших событий.

Роман «Сто племен с единым» – пятая книга цикла «Чураевы» – охватывает события в Сибири и Степном крае в 1914-1916 годах, во

время Первой мировой войны. Этим объясняется название романа: мировая война закрутила в водоворот событий практически все народы евразийского пространства – все «сто племен». Роман был написан в 1920-х – начале 1930-х годов и издан в США на русском языке в 1933 году [3]. К этому времени писатель уже 9 лет жил в Америке, в новом для себя мире, в совершенно иной, чем прежде, среде и, казалось бы, имел новые темы для творчества. Однако, несмотря на переломные события в своей жизни: война, революция, эмиграция, жизнь в Европе, а затем в Америке, – Г.Д. Гребенщиков не утратил прежнего интереса к истории казахского народа.

В романе «Сто племен с единым» треть произведения посвящена драматическим событиям 1916 года. По указу Николая Пот 25 июня 1916 года «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений» основная часть мужского населения коренных народов Степного края, Центральной Азии и Сибири в возрасте от 19 до 43 лет должна была быть мобилизована для тыловых работ [6]. Эти события вошли в историю Казахстана как национально-освободительное восстание 1916 года.

В романе мы находим яркую картину национально-освободительного движения казахского народа, развернувшегося в Казахской Степи. И это дает возможность выявить восприятие Г.Д. Гребенщиковым *степи* как концепта авторской картины мира.

В целом, концепт *степь* вызывает бесспорный интерес при изучении лингвокультурных особенностей народов, исторически проживающих в степной зоне Евразии, которая тянется широкой полосой от Дуная до Хингана [16] – казахов, русских и других народов [8], [9]. Примечательно, что для понимания масштабов и роли Евразийской Степи в мировой истории используется термин «Великая Степь» («GreatSteppe») [17]. На протяжении веков Великая Степь была связующим пространством Евразии для Запада и Востока, Севера и Юга – «мостом, соединяющим различные цивилизации и культуры» [13, с. 14]. В этом звучном имени – открытость и широта души народа, его гостеприимство и сила для защиты. Великая Степь – Ылы *ДАЛА* – для каждого казаха глубоко символическое, историческое имя.

Структура концепта как ментального образования формируется признаками, отображающими «прототипические способы описания фрагментов мира» [12, с. 88]. Основные сочетания лексем представляют концепт *степь* через прототип «пространство». Большинство толковых словарей русского языка определяют «степь» как «обширное, безлесное, ровное, покрытое травянистой растительностью пространство в полосе сухого климата» [14],[10, с. 764],[1].

Исследуемый текст Г.Д. Гребенщикова содержит многочисленные примеры «пространственного» толкования лексемы «степь»: «...**широки степи-равнины**», «...тучны и привольны для кочевья **просторные степи заиртышские**», «...**далеко простираются степи**» [2, с. 111-112]. «Ярче всех воскресло детство, весенние дни и **широкая равнина девственной степи**, вся покрытая мелкими голубыми цветами» [2, с. 123]. «**Беспризорный скот широко разбрелся по степи**» [2, с. 128]. Лексическая сочетаемость со словами с пространственной семантикой «широкий», «просторный», «простираются» усиливает семему «пространство» в структуре концепта *степь*, определяя ее доминантное значение. Поэтому необходимо учитывать языковые факторы проявления пространственности при исследовании авторского концепта *степь*.

«Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой дает следующую дефиницию лексемы «пространство» – «неограниченная протяженность (во всех измерениях, направлениях)» [14], что позволяет выделить сему разнонаправленности в характеристиках, актуализирующих концепт *степь*. М.В. Осыка, исследующая топонимическую фразеологию, отмечает, что «пространственные отношения могут быть выражены различными параметрами – место (местонахождение), степень удаленности, направление, размер, протяженность, форма, конфигурация». В языке эти параметры проявляются «в обозначении: а) направления (куда?); б) места (где? откуда?)» [11, с. 130]. Художественный текст Г.Д. Гребенщикова предоставляет языковые факты, подтверждающие многообразие пространственных отношений: «*Ржали тысячами голосов перешедшие на рысь испуганные лошади – позади, **на необозримой широте степей*** [обозначение места], *запыхали огненные языки*

степных пожаров» [2, с. 113]. «Ведите нас в долины Узбая, **на степи Этека** [обозначение направления]» [2, с. 122]. «Десятки всадников, прибежавших **из глубины степи** [обозначение места], донесли весть о том, что казаки обошли и захватили в плен уже десятки караванов» [2, с. 123]. «Так до самого заката солнца разъезжались и съезжались и снова быстро разбегались **по степи** [обозначение направления] всадники» [2, с. 124]. «И по этому знаку через несколько мгновений **с разных концов степи** [обозначение места] к холму устремились всадники» [2, с. 124]. Как видно, для Г.Д. Гребенщикова *степь* семантически и концептуально – не хаотичное пространство, а пространство осмысленного разнонаправленного движения.

В философской литературе отмечается, что «пространство есть форма бытия материи, характеризующая ее протяженность, структурность, сосуществование и взаимодействие элементов во всех материальных системах» [15, с. 519]. Казахская Степь представляла собой именно такую рационально организованную пространственную систему. Ее слаженную работу обеспечивали элементы, структурирующие Степь как место жизни и деятельности казахского социума: пути кочевий, аулы, родовые кладбища, зимовки, пастбища, источники воды, хозяйственные уголья. И в этом значении концепт *степь* восходит к следующему прототипическому образу – «место обитания».

Г.Д. Гребенщиков, с молодых лет знавший особенности организации казахского степного быта и ведения хозяйства, достаточно точно воспроизводит это в романе: «**Двадцать пять отдельных пастухов, каждый с четырьмя подпасками, в двадцати пяти отдельных стойбищах пасут гурты и табуны Тохтахановы**» [2, с. 112]. «Никогда в веках не мерены не вспахивались девственные **пастбища** у западных отрогов Тянь-Шанских высот, на краю солнечной Туркестании» [2, с. 112]. «Молнией облетела эта весть все **кочевья и стойбища, все киргизские аулы**» [2, с. 113]. Писатель хорошо понимал отличие казахского образа жизни от образа жизни русских крестьян и горнозаводских рабочих. Он знал, степь – не безлюдное пространство, а место жизни, настоящее жизненное пространство

казахского народа, пронизанное многими путями и наполненное бесчисленным количеством значимых для казаха объектов.

Очень важно, что понимание природы как «живого» было присуще Г.Д. Гребенщикову, романтизовавшему жизнь Казахской Степи. Анализ художественного текста показывает, что понимание Степи как «живого существа», как своего рода «действующего лица» было для автора значимым прототипом, который актуализировал персонифицирующую составляющую в содержании авторского концепта *степь*. В частности, Г.Д. Гребенщиков пишет: «**Степи от времен Авраама и Исаака не живут, но грезят и в грезе своей создают не явь, но сказку и легенду**» [2, с. 122]. Следует заметить, говоря, что степи «не живут», автор, разумеется, имеет в виду не «мертвую» материальную реальность, а как раз наоборот, «живую» ментальную и психическую активность, присущую человеку – «грезы».

Для сравнения контекстов, подтверждающих факт равного употребления глаголов по отношению к деятельности живого и неживого, обращаем внимание на то, что автор также использует аналогичную словесную формулу для характеристики одного из народов Восточной Сибири – тунгусов: «**Сердце тунгуса... печется о мире как о вечном смысле бытия, ибо земля и небо и звезды – лишь украшения вечного, ничем не нарушаемого и самого счастливого из снов. Вот почему тунгусы не живут, а спят наяву**» [2, с. 109]. Данное сопоставление демонстрирует употребление одинаковых глагольных форм по отношению к живому («тунгус» как представитель этноса) и объективно неживому («степь» как объект природы) и подтверждает, что Г.Д. Гребенщиков наделяет *степь* концептуальными признаками живого существа.

Концептуальные признаки, персонифицирующие *степь*, находят в тексте еще ряд важных проявлений. Это тем более значимо, что данные «живые» семантические признаки относятся непосредственно к пониманию Г.Д. Гребенщиковым самой сути национально-освободительного восстания казахов в 1916 году. Воспринимая события того времени в контексте судьбы казахского народа, писатель формулирует: «**И как же степь должна была встретить тех, кто несет с собою смерть легенды? О, тогда**

должны раскрыться все курганы и должны встать из них все сказочные богатыри» [2, с. 122]. «Нет, **степь**, древняя колыбель предков от времени праотца Ибрагима, **не должна предать** его и его род» [2, с. 123]. «Тогда **степь** опять **освободится** от нашествия врагов и **позовет** к себе всех полоненных сынов своих, **разбудит** павших в битвах, мирно спящих в курганах богатырей [2, с. 129].

Глагольная сочетаемость лексемы «степь», репрезентирующей исследуемый концепт, не просто актуализирует признаки «живого существа», но и несет дополнительное семантическое наполнение – *степь* выступает в качестве защитницы и охранительницы тех традиционных устоев, которые складывались веками. И несмотря на пространственную и, казалось бы, бесконечную протяженность, степь для кочевника – это, прежде всего, родной дом, это курганы и духи предков, это родная земля и все ее урочища, которые и укроют, и защитят. Г.Д. Гребенщиков метафорически ведет речь от «лица» Казахской Степи. И эпический стиль, который им используется, возвышает значимость событий 1916 года.

При концептуальном анализе текста обращает на себя внимание удивительно чуткое отношение автора к Казахской Степи, к степной тысячелетней культуре. Автор с глубоким чувством рассказывает о мирной жизни казахских аулов, знакомя читателя с многовековой «степной сказкой»: «*Века и тысячелетия плелась **степная сказка** мирных кочевых аулов. Одни и те же ковыли ласкали шелковой пряжей грудь непаханных равнин. Изредка сгорая, они затем вновь своими шепотами убаюкивали тишину давно уснувших здесь **легенд**. Приходили, уходили племена, проносились буйным ураганом вооруженные полки завоевателей – и снова на столетия все засыпало, чтобы в мирной жизни кочевых народов медленно слагалась и утверждалась новая **легенда**. Степи от времен Авраама и Исаака не живут, но **грезят** и в **грезе** своей создают не явь, но **сказку и легенду...**» [2, с. 122].*

Чтобы приблизиться к пониманию красоты и неповторимости свободной жизни казахов-кочевников, он употребляет ряд ярких лексем, объединенных значением «чудо»: *сказка, легенда, греза*. В словаре В.И. Даля дается определение понятия *сказка*:

«вымышленный рассказ, небывалая и даже несбыточная повесть, сказание» [5, с. 603]. «Словарь русского языка» С.И. Ожегова это значение уточняет: «преимущественно с участием волшебных, фантастических сил» [10, с. 718]. «*Легенда* – предание о чудесном событии» [4, с. 816]. *Греза* словарем В.И. Даля трактуется как «мечта, мнимое видение» [4, с. 364]. А согласно словарю С.И. Ожегова: не просто мечта, а «светлая мечта» [10, с. 148], т.е. возвышенная, радостная. Как видно, Г.Д. Гребенщиков, описывая «степную сказку» и тем самым утверждая постоянство степной философии, использует лексемы с семантикой умиротворения и вечности – степные ковыли «ласкали» и «убаюкивали» тишину степей, казахские богатыри «стяжали и непобедимость, и бессмертие» [2, с. 112].

Именно такая «степная сказка», с точки зрения Г.Д. Гребенщикова, столкнулась в 1916 году с безжалостной реальностью. Но, примечательно, даже в этом столкновении писатель видит не только суровые реалии, но и то, что он обозначает словом «чудо». Автор показывает, как степняки, охваченные решимостью и отчаяньем, применили древний способ самозащиты, который писатель и назвал «чудом»: *«Бесчисленными муравейниками сгущались и перемещались табуны и гурты. Овцы двигались в одном направлении, рогатый скот – в другом, табуны лошадей – в третьем, и постепенно выростали живые волны-ярусы, разделенные промежутками, и все это направлялось с востока к западу, навстречу врагу»*. После восхода солнца, когда степняки могли точно определить местоположение противника, началось сведение дальних концов флангов. И вскоре «из огромного десятиверстного яруса стала образовываться дуга, а затем и подкова», которая обхватывала неприятеля с востока, севера и юга, а затем и с запада, и которая стала замыкаться в сплошное сокращавшееся кольцо [2, с. 125]. Когда кольцо сомкнулось, был отдан приказ – «крутить трещотки». В мирной жизни такая трещотка – сакпан – широко использовалась в животноводстве. Пастухи с ее помощью сгоняли отары. Но в экстремальных условиях степного сражения звук, который издавал сакпан, – «раздирающий душу, поднимающий волосы дыбом» [2, с. 126], – наводил страх на животных и вселял отчаянную решимость в самих людей. *«И обезумели всадники и пастухи, мгновенно*

превратившись в звереющих тиранов своих же лошадей, коров, баранов и быков. Они били их трещотками, кнутами, палками, вонзали в них ножи, рвали на части шкуры, кусали уши лошадей, на которых сидели, и криками страха, гнева, храбрости, отчаяния и мщенья бросали тысячи и тысячи взбесившихся животных к центру несчастья, на врага» [2, с. 126].

В контексте степной битвы слово «чудо» не несет значения волшебного жизнеутверждающего начала, как в описании мирной жизни степняков-кочевников. Напротив, сочетаясь с контрастным определением «страшный», определяющее слово становится составной частью индивидуально-авторского оксюморона – «страшное чудо». К значению лексемы «чудо»: «диво, необычайная вещь или явление» [5, с. 947] – прибавляется дополнительное значение лексемы «страшный»: «наводящий страх, пугающий, ужасный» [5, с. 722]. И исчезла прекрасная степная сказка. «*В степи творилось небывалое в течение столетий страшное чудо*» [2, с. 125]. Г.Д. Гребенщиков видит в этом «страшном чуде» мобилизацию всех сил Степи, а в оборонительных действиях казахского народа – стремление сохранить сложившийся жизненный уклад.

Лексико-семантический и концептуальный анализ художественного текста романа Г.Д. Гребенщикова «Сто племен с единым» позволил выявить структурно-содержательные, прототипические особенности концепта *степь* в авторской картине мира.

Семантико-концептуальная реконструкция показала, что для него *степь* не только «широкое» и «безлюдное», «незаселенное пространство», но и «место обитания», по сути, «место жизни» казахского народа. *Степь* не пространство хаоса, а пространство упорядоченного движения.

Г.Д. Гребенщикоу присуща сакрализация и персонификация *степи* как «одушевленной природы», «живого существа» (особенно в контексте событий 1916 года). *Степь* выступает защитницей и охранительницей традиционных устоев степной цивилизации. *Степь* для писателя – это настоящая «степная сказка», «легенда», «грезы». В толерантном мировидении Г.Д. Гребенщикова присутствуют элементы романтизации. Г.Д. Гребенщиков

однозначно против «смерти степной легенды», которая, однако, угрожающе проступает в трагическом противостоянии 1916 года. *Степь* – это центр «страшного чуда», место эпической битвы за право национальной самобытной жизни.

В целом, концепт *степь* у Г.Д. Гребенщикова стал не просто повторением обыденного русского понимания *степи*, но авторским художественным концептом, который интегрировал не только общерусское, но и казахское восприятие Степи, а также собственно авторское. Следовательно, авторская картина мира Г.Д. Гребенщикова включает – через концепт *степь* – элементы казахской национальной картины мира.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. С.А. Кузнецов. URL: <http://www.вокабула.рф/словари/бтс/степь>
2. Гребенщиков Г.Д. Сто племен с единым // Собрание сочинений в шести томах. – Т.4. – Барнаул: Барнаул, 2013.
3. Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Сто племен с единым. Southbury, Conn.: Alatas, 1933. - 197 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 2 т. Т. 1. – М.: Олма-пресс, 2002. – 1280 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 2 т. Т. 2. – М.: Олма-пресс, 2002. – 1088 с.
6. Документы по истории событий 1916 г. Высочайшее повеление 25 июня 1916 г. URL: <http://semirechye.rusarchives.ru/dokumenty-po-istorii-sobytij-1916-g>
7. Елеукинов Ш.Р. Карьер беспамятства // Казахстанская правда. – 1993. – 19 июня.
8. Золотарева Л.Р. Этноконцепт «степь» в изобразительном творчестве казахстанских художников // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. № 4(47). – Новосибирск: СибАК, 2015.
9. Николаева С.Ю. Чеховское начало в концептосфере «степных» произведений А.А. Ганина и П.Н. Васильева // Филологическая регионалистика, 2014, с. 14-27.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1990. – 917 с.
11. Осыка М.В. Способы вербализации концепта «пространство» // Вестник Иркутского гос. лингвистич. ун-та. - 2009. - № 3. - С. 129-134.

12. Пименова М.В. Метод описания концептуальных структур (на примере концепта надежда // Ученые записки Забайкальского гос. ун-та. Серия: Филология, история, востоковедение. - 2011. - № 2. – С. 85-93.
13. Сарсекеев Б.С. Мир кочевника. – Алматы: Атамұра, 2007. – 104 с.
14. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. URL: <http://www.вокабула.рф/словари/толковый-словарь-евгеньевой>
15. Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов.энциклопедия, 1989. – 815 с.
16. Eurasian Steppes. Ecological Problems and Livelihoods in a Changing World / Editors: Werger, Marinus J.A., van Staalduinen, Marja A. Springer, 2014. - 568 p.
17. Świątosławski W. Arms and Armour of the Nomads of the Great Steppe in the Times of the Mongol Expansion. - Lodz, 1999. - 144 p.

Сванидзе Кетеван Автандиловна
к.ф. н., асс. профессор
Батумский государственный
университет им. Шота Руставели
Грузия, г. Батуми
e-mail: ketevan.svanidze@bsu.edu.ge

Svanidze Ketevan Avtandilovna
Associate Professor, PhD
Shota Rustaveli State University
Georgia, Batumi
e-mail: ketevan.svanidze@bsu.edu.ge

К.А.Сванидзе

МЕХАНИЗМЫ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена изучению и рассмотрению целей и причин формирования социальных стереотипов вообще и в политических текстах апеллятивного характера в частности; рассмотрены процессы и пути их формирования с целью идеологизации национального сознания, манипуляции ею, чтобы повлиять на ход политических процессов и их результаты. Целью статьи является путем сопоставления выявить частотность таких манипуляций, их качественную природу. В статье предпринята попытка определения интенции автора, как политического медиатора, в процессе создания текстов, отображающих сложную политическую реальность, а также выявления того, насколько стереотипизированные образы отображают действительную политическую картину.

Ключевые слова: стереотип, политический дискурс, намерение автора, прагматика предвыборного выступления.

К.А. Svanidze

MECHANISMS OF STEREOTYP OF THE NATIONAL CHARACTER IN POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The article is devoted to the study and consideration of goals and reasons for the formation of social stereotypes in general and in political texts of an appellative nature in particular; it deals with processes and ways of their formation with the purpose of ideologizing the national consciousness, manipulating it to influence the course of political processes and their results. The purpose of the article is to compare the frequency of such manipulations, their qualitative nature, by means of a comparison. The article attempts to determine the intention of the author as a political mediator, in the process of creating texts reflecting a complex political reality, and to reveal how stereotyped images reflect the real political picture.

Keywords: stereotype, political discourse, the intention of the author, the pragmatic of the pre-election text.

Широко распространенное мнение о сходстве членов идентифицированной группы – стереотипы – существовали всегда. Испокон веков они работали и работают как схемы в процессе восприятия данных групп и, следовательно, каждого конкретного его члена. Психологическая предпосылка формирования устоявшихся взглядов состоит в необходимости обобщения информации об окружающей нас действительности, следовательно, причиной формирования стереотипов на группу, нацию, на его представителей – в необходимости обобщений информации и знаний об окружающих (непосредственно или дистанционно) нас людях и обществах. Стереотипы сначала оказывают влияние на то, что мы воспринимаем, а затем на то, что мы запоминаем. Следуя стереотипу, мы упрощаем окружающий нас мир, картину мира, делаем ее более понятной, «подстраиваем» ее под себя. Именно поэтому следование стереотипам — вполне объяснимая стратегия социального познания. Однако, во многих случаях стереотипы оказываются чрезмерно обобщенными и вредят взаимопониманию. Это касается как отношений между людьми, так и между странами, касается политических и культурных процессов, экономики и бизнеса.

Рассматривая стереотип, как социальное явление, Джек Нахбар и Кевин Лаузе (J. Nachbar, K. Lause), в своем исследовании «Введение в популярную культуру» отмечают, что стереотипы представляют собой часть массовой культуры. Они могут основываться на возрастную градацию (*молодежь слушает только рок-н-ролл*), половые различия (*все мужчины требуют от женщин только одного*), расовые различия (*все японцы – на одно лицо*), религию (*Ислам, это религия террора*), профессию (*все адвокаты – жулики*) и, конечно же, на национальный характер (*все евреи жадные*). Сами по себе стереотипы – нейтральное явление, однако перенесение стереотипа с одного члена общества на все общества, как правило, обретает отрицательный оттенок. Именно на стереотипах основываются такие явления как расизм, исламофобия и др. [11, с.237].

Об отрицательной природе стереотипов говорит в своей работе «Вступление в межкультурную коммуникацию» [10] Фред Яндт (F. E. Jandt). Он подчеркивает, что стереотипы в основном используются

не из лучших намерений. Они скорее используются в пропаганде расизма и ксенофобии. В качестве доказательства вышесказанного можно привести всем известную фашистскую антисемитскую пропаганду в 1920-1930 гг., основанную на стереотипах.

Некоторые из ученых отождествляют стереотипы с культурой. Так, например, согласно утверждению Т. Стефаненко, необходимо иметь в виду, что «в системе понятий, принятой в этнологии, под культурой часто понимается вся та общность, которая составляет данный этнос. При таком понимании культура охватывает все проявления социальной жизнедеятельности без разделения на сферы хозяйства, политики, социальных отношений и культуры в узком смысле слова. Иными словами, термин «культура» подразумевает общество в целом, и даже этнос в целом» [6, с.21]. Иначе говоря, термин культура может быть рассмотрен как определенное единство стереотипов, определяющее и тем самым ограничивающее действия человека в любой ситуации.

В формировании этнического сознания и культуры, как элемента, регулирующего действия человека, важную роль играют как врожденные, так и приобретенные им в процессе социализации факторы, воспринимаемые человеком с момента самоидентификации в качестве члена данной культурной и социальной общности. Таким образом, мы живем в окружении стереотипов, обусловленных в большей степени нашей культурой и обуславливающих нашу принадлежность ей.

Термин «стереотип» в значении устоявшихся взглядов на общество или любое его проявление был впервые использован и введен в научный обиход классиком американской журналистики Уолтером Липпманом (W. Lippmann), 1922 году опубликовавшем книгу «Общественное Мнение» [«Public Opinion»]. В ней Липпман попытался описать способ, при помощи которого общество пытается категоризировать людей. Чаще всего, общественное мнение просто ставит "штамп" на основе некоторых характеристик. Липпман выделил несколько аспектов стереотипов, согласно которым, а) стереотипы всегда проще, чем действительность, поскольку стереотипы способны вместить сложнейшие качества в два-три предложения; б) люди приобретают стереотипы от средств массовой

информации, знакомых (или незнакомых) и пр., которые, со своей стороны, уже «знакомы» с данными явлениями, стереотипизированно отразившимися в их сознании; в) все стереотипы ложны, в большей или меньшей степени. Они приписывают конкретному человеку качества и характеристики, которыми он должен обладать только по причине собственной принадлежности к определенной группе и г) стереотипы крайне живучи. Даже если люди убеждаются в том, что стереотип не соответствует действительности, они склонны не отказаться от него, а утверждать, что исключение только подтверждает правило [3].

По мнению У. Липпмана, в большинстве случаев мы оцениваем явление не после соприкосновения с ним, а наоборот, сначала оцениваем, его, а потом сталкиваемся с ним. Из явлений окружающей среды в нашей памяти остаются только то, что навязывает там наша культура, и мы тенденциозно принимаем только данную информацию в форме стереотипа: «Для того чтобы охарактеризовать предмет, не обязательно видеть его, - отмечает У. Липпман. - Обычно сначала мы даем ему определение, а потом рассматриваем. В огромном шумном многоцветье внешнего мира мы вычленим то, что уже было определено нашей культурой. Мы воспринимаем предметы через стереотипы нашей культуры» [3, с.68].

Вслед за Липпманом, ученые необходимой и полезной функцией стереотипизации считают упрощение и систематизацию большого количества сложной информации. Речь идет об информации, получаемой человеком извне в процессе социализации. Стереотипы дают им возможность избежать всей сложности интерпретирования социального мира.

Стереотипы это «...стойкое, обобщенное убеждение по отношению к одной или иной группе людей» [8, с.78]. Иными словами, стереотип - это убеждение, согласно которому представители той или иной группы, расы и религии, являются носителями одинаковых особенностей, что не совсем правильно.

Важную роль играют стереотипы и во время оценивания человеком социально-политических явлений или процессов, исходя из того, что в жизни люди поступают именно, следуя стереотипам, заложенным в их сознании. Кроме того, именно стереотипы

способствуют процессу самоидентификации и определения своего места по отношению к какой-либо конкретной социальной группе, а также отношения к другим культурам и их представителям.

Обобщение культур и национальностей могут превратиться в источник гордости, гнева или просто неудачной шутки. Многие считают, что в стереотипах все же присутствует доля правды, поскольку стереотипы вовсе не появились из вакуума. Национальный стереотип представляет собой систему культурно-специфических убеждений, которая связана с национальностью человека. Эта система включает в себя такие черты человека, которые видоизменяются, например внешность, язык, еда, правила, психологические признаки, ценности и др.

Национальные стереотипы — это единицы переоцененных реальных разнообразий. Опасно характеризовать людей стереотипами, но их существование все же неизбежно. Однако в политических процессах стереотипы создаются искусственно, в целях, преследуемых конкретными политиками или их сторонниками.

Для политических процессов важна не только соответствующая информационная обработка текущих явлений и их передача, но и четкое, адекватное и целенаправленное декларирование, политиками своих взглядов, которые, зачастую не говорят открыто о своих истинных намерениях и целях. С этой точки зрения важно, чтобы позиция политиков была понятна и приемлема как для его партнеров, так и для его оппонентов и общества, как на внутригосударственном уровне, так и с точки зрения международной политики.

Основными средствами передачи информации в политических процессах, как правило, являются политические фигуры, неоднократно озвучивающие свою личную или государственную позицию, фиксируют приоритеты, собственное видение вопросов и проблем, важных для общества как внутри страны, так и за ее пределами на разных форумах или дипломатических встречах, во время своих официальных и неофициальных визитов, чем и способствуют формированию определенных представлений, своего рода «стереотипов» относительно своей страны, партии, своих

сторонников или же идеологии, ими проводимой и их представлению под иным углом зрения.

Социальные установки и стереотипы изучаются политической психологией в качестве ведущих механизмов политического поведения и рассматриваются как организованная предрасположенность личности к определенному восприятию ситуации, ее оценке и последующим действиям.

Стереотипы и политические отношения имеют огромное значение в деле формирования политического мышления. По определению Д. В. Ольшанского, «С политико-психологической точки зрения, стереотип — стандартизированный, схематизированный, упрощенный и уплощенный, обычно эмоционально окрашенный образ какого-либо социально-политического объекта (явления, процесса), обладающий значительной устойчивостью, но фиксирующий в себе лишь некоторые, иногда несущественные его черты. Иногда определяется как неточное, иррациональное, чрезмерно общее представление. В широком смысле, это традиционный, привычный канон мысли, восприятия и поведения, шаблонная манера поведения, способ осуществления действий в определенной последовательности, единообразии, тождестве, инерция мышления, косность, ригидность и т. п. [4, с.50].

Д. В. Ольшанский выделяет два основных источника формирования стереотипов: с одной стороны, это достаточно ограниченный индивидуальный или групповой прошлый опыт и ограниченная информация, которыми располагают люди в повседневной обыденной жизни, а также некоторые специфические явления, возникающие в сфере межличностного общения и взаимодействия — субъективная избирательность, влияние установок, слухов, эффектов «ореола», первичности, новизны и т. п. Отсюда второстепенность, случайность некоторых аспектов стереотипов. В этом отношении стереотипы представляют собой аккумулярованные сгустки разрозненного индивидуального и группового опыта, отражающие относительно общие, повторяющиеся в нем свойства и особенности социально-политических явлений. Очевидная информационно-аналитическая недостаточность данного опыта является как бы вынужденной,

необходимой основой для формирования и использования стереотипа, а также служит истоком их эмоционально-чувственного, «жизненного» насыщения.

С другой стороны, важным источником формирования стереотипа является целенаправленная деятельность средств массовой информации и политической пропаганды. Законы массовой коммуникации требуют усредненно-обобщенного, стереотипизированного общения: сам акт трансляции, например, некой политической идеи на массовое сознание возможен только в форме определенных стереотипов. Процесс тиражирования социально-политической информации, имеющий целью вызвать в сознании и политическом поведении людей сколько-нибудь однородную, стереотипную реакцию, возможен только посредством использования информационных стереотипов, вызывающих, в свою очередь, соответствующие психологические и поведенческие стереотипы у реципиентов [4, с.80-81].

Вслед за Д. В. Ольшанским мы считаем, что стереотипы представляют собой мощнейшее средство манипулирования сознанием отдельных индивидов, групп и масс в политике. С этой точки зрения, содержательно стереотип можно определить как постоянно декларирующиеся и навязывающиеся людям стандартные единообразные способы осмысления и подходы к социально-политическим явлениям, объектам и проблемам, как общественно-политические каноны и «истины» — нормы, ценности и эталонные образцы политического поведения, постоянно повторяемые и используемые политической элитой, поддерживаемые и распространяемые массовыми информационно-пропагандистскими средствами, подкрепляемые карательными органами в целях удержания основной массы членов общества в единообразном нормативно-послушном состоянии. В содержательном отношении, совокупность подобных стереотипов составляет идеологию или идейно-политическую основу данного общества. Каждая всякая социально-политическая система создает набор определенных стереотипов, следование которым необходимо для успешного функционирования данной системы. Обычно они существуют и поддерживаются на трех основных уровнях. Во-первых, стереотипы

индивидуального политического сознания и поведения, подкрепляемые стереотипами соответствующих позитивных и негативных санкций — например, вкладываемые в содержание понятия «законопослушный» (добропорядочный, лояльный и т. п.) гражданин. Во-вторых, стереотипы группового политического сознания и поведения — например, традиции того или иного этноса, слагаемые «профессиональной чести», уставы политических партий и движений и т. п. В-третьих, стереотипы политического сознания и поведения члена общества (социально-политической системы) в целом [4, с.50-52].

Особой интерес для нас представляют процессы и механизмы формирования национальных стереотипов в грузинском политическом дискурсе, механизмы апеллирования стереотипами, существующими в общественном сознании, а также, формировании политических стереотипов в политических дискурсах и модели их трансформации. С опорой на анализ научной литературы по исследуемой проблеме, а также на анализ эмпирического материала можно утверждать, что с целью достижения успеха политик пытается убедить аудиторию (электорат) в правдивости своих взглядов, в том, что проблема, поставленная им реальна и, путь предложенный им для решения данной проблемы является лучшим выходом из создавшегося положения. И в доказательство он приводит как логические, так и авторитарные символы, эмоциональные образы, риторические повторы. Следует отметить, что эффективность средств, используемых в политических текстах определяется близостью и схожестью с представлениями адресата, в данном случае, к представителю общественности. Вслед за с Т. Уиндом [Theodore O. Wind] мы можем утверждать, что народ мало интересуется тем, логичны ли приведенные аргументы. Народ хочет услышать аргументы, приведенные в пользу их убеждений, представлений, их деятельности. Риторические суждения рождаются на основе личных взглядов, общественного мнения, ценностей, законов, обычаев [1, с.56], иначе говоря, политику приходится работать со стереотипами.

К тому же, мы считаем, что говоря о формировании и трансформации политических стереотипов, следует отметить и

важность феномена стереотипа в предвыборном периоде. Именно в период выборов происходит формирование определенных стереотипизированных представлений, могущих повлиять не только на выбор электората, но и на дальнейший ход политических и общественных событий в государстве.

Как было отмечено выше, трансформация стереотипов может быть обусловлена изменением политической ситуации. Тенденции формирования стереотипов в предвыборных выступлениях будущих президентов соответствующие. На основе анализа публичных выступлений будущих президентов, их телевизионных обращений или личных встреч с избирателями, нами были выявлены повторяющиеся тенденции формирования стереотипов, позволившие нам обобщить основные характеристики формирования политических стереотипов в грузинском политическом дискурсе. Итак, чем апеллируют кандидаты:

а) **Подчеркивание важности выборов** – во всех рассмотренных нами случаях кандидаты подчеркивают важность и решающее значение выборов, указывают на гражданскую и общественную ответственность каждого избирателя;

б) **Единство, единение нации** – *«Мы должны объединиться», «Мы должны стоять вместе», «Наша сила в нашем единстве» и т.д.* Тема единения нации – одна из главных в грузинских предвыборных кампаниях. Она используется в целях воздействия на общество с целью управления его сознанием и дальнейших действий;

в) **Обращение к историческому прошлому**, с учетом объекта и ситуации, для выражения или формирования как положительного, так и отрицательного отношения. В процессе исследования были выявлены случаи «напоминания», или, иначе говоря, приведение в качестве примеров случаев из истории, или же исторических личностей. Встречаются также случаи приведения в качестве примеров отрицательных исторических фигур с целью создания отрицательного образа оппонента;

г) **Ведение речи от имени народа и легитимация собственных действий** – во всех предвыборных моделях кандидатов остаются неизменными, и, можно утверждать, основными элементами предвыборной кампании. Каждый из кандидатов начинает вести речь от

имени народа. Путем позиционирования себя в качестве лидера, предводителя народа, достигается своего рода единение с ним. И когда в дальнейшем обнаружит наболевшее и будет бороться в интересах общества. Иначе говоря, таким образом, кандидаты легитимируют свои действия и апеллируют тем, что действуют от имени и в интересах народа, что они наделены полномочиями народа. Именно поэтому, результаты выборов должны являться желания и воли народа.

д) **мотивирование народа путем похвал:** *«Народ дальновиден», «народ не ошибется», «Пусть они (оппоненты) не думайте, что народ глуп!»* и подобные обращения хвалебного характера встречаются во всех моделях кандидатов, с нашей точки зрения, в целях мотивирования народа, его «мобилизации», а это могла стать решительным фактором в исходе выборов.

е) во всех случаях повторяются формы обращений и выступлений: кандидаты не правящих партий подчеркивают **тяжелое положение, создавшееся в стране по вине оппонентов**, обвиняя в этом правящую партию. И в таких случаях единственной гарантией выхода из создавшегося положения позиционируют себя. С этой целью происходит апеллирование стереотипными характеристиками нации. И, с другой стороны, кандидат правящей партии подчеркивает **тяжелое положение, создавшееся в стране до его предшествующих выборов по вине оппонентов** и явный прогресс, наметившийся в период его правления. И в таких случаях единственно правильным решением ему представляются его повторные выборы, чтобы следовать уже «проверенной народом» правильной политике.

Следует отметить, что перечисленные выше характеристики являются элементами, используемыми с целью создания стереотипного образа народа. Хотя анализ структур обращений и выступлений дает нам основание утверждать, что довольно высока частота использования и таких элементов, как *определение дальнейшего политического курса страны и целей развития, определение необходимости и возможности достижения поставленных целей, ведение речи о политических реформах, подчеркивание роли президента и задач, поставленных им и т.д.* Все выше перечисленное также можно считать инструментами формирования политических стереотипов, могущих послужить

инструментами успешного исхода предвыборных кампаний именно в силу их повторяемого и неизменного характера.

Политические тексты встречаются везде – в газетах, интернете, в телепередачах. Средства массовой информации ежедневно освещают явления, происходящие в политической жизни разных стран. «Политический язык - особая знаковая система, предназначенная для политической коммуникации в обществе. Главная особенность политического языка - навязывание населению воли властвующим и стремящимся к власти субъектов политики» [7], Это особая знаковая система, предназначенная именно для политической коммуникации: для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений в условиях множественных общественных интересов истинно плюралистического общества, в котором каждый человек является не объектом идеологического воздействия и манипулирования, а субъектом политического действия [2, с.108]

С целью отображения основной идеи разных типов текста, их авторы прибегают к разным техникам и стратегиям. Каждый текст составлен с учетом конкретной группы, партии или нации, того или иного национального концепта, убеждений или идеологии, следовательно, как отмечают Т.Г. Попова и Н.В. Таратынова, - «*В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ, В ЧАСТНОСТИ*, в сфере социально-ориентированного общения, язык подвергается определенного рода социально-культурному варьированию, в котором всякий раз учитывается картина мира в видении индивидуума [5, с. 90].

Политический язык насыщен идеологическими контекстами, элементами выражения, а то и формирования политических взглядов и соответствующих эмоций, что, как правило, передается как устным, так и письменным путем. В то же время, часто в речи политиков интенция и идеология имплицитированы. По утверждению Т. Ван Дейка, «Текст похож на информационный айсберг, и то, что выражено словами, является лишь его «верхушкой» [9. с.29]. Это - Это официальный язык государственной власти, средства, воздействия которого отличаются от языковых средств,

используемых в художественной, публицистической и разговорной речи.

Создание политического текста, предвыборного обращения – довольно сложный процесс, поскольку подбор лексических элементов, их структура не случайны и имеет место основная идея, согласно которой и происходит создание текста. Среди текстов разного жанра именно в политическом дискурсе обладают слова конкретной воздействующей силой и служат распространению не только идеологии, но и стереотипизированных представлений.

Библиографический список

1. Алтунян А.Г. Анализ политических текстов: Учебное пособие. – М.: Университетская книга; Логос, 2006.- 384с.
2. Баранов А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом? // «Человек», 1996, №6. – С. 108-118.
3. Липпман У. Общественное мнение. М., 2004. – 384 с.
4. Ольшанский Д. Основы политической психологии. Учебное пособие для вузов. Издательство «Деловая книга», 2001. – 496 с.
5. Попова Т.Г., Таратынова Н.В. Политический текст и его лексические особенности //Известия Тульского государственного университета. №2. Гуманитарные науки. 2009. – С. 90-97.
6. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. Институт психологии РАН. «Академический проект». М., 1999. – 320 с.
7. Толковый словарь обществоведческих терминов. Н.Е. Яценко. 1С-Пб., Лань, 1999. – 524 с. <http://www.slovarnik.ru/html/tsot/p/politi4eskiy-8z3k.html>
8. Cardwell M. Dictionary of psychology. Chicago IL: Fitzroy Dearborn, 1996. – 249 p.
9. Dijk Teun A. Van. Ideology: A multidisciplinary Approach. London, 1998. – 365 p.
10. Jandt F. E. An Introduction to Intercultural Communication: Identities in a Global Community. London, 2010. – 440 p.
11. Nachbar J., Lause K., Popular Culture: An Introductory Text. 1992. – 504 p.

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Баранова Анна Сергеевна
доктор филологии, преподаватель
Софийский университет им. Св.
Климента Охридского
Болгария, София
e-mail: gerdik24@yahoo.com

Baranova Anna Sergeevna
PhD, assistant Professor
Sofia University «St. Kliment Ohridski»
Bulgaria, Sofia
e-mail: gerdik24@yahoo.com

А.С. Баранова

КОННОТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОБЫТИЙНО- СИТУАТИВНЫХ СУБСТАНТИВОВ В ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Статья посвящена исследованию коннотативного объема и функциональных характеристик русских событийно-ситуативных субстантивов и способов их передачи при переводе художественного текста на болгарский язык.

Ключевые слова: коннотация, перевод, прагматический потенциал

A.S. Baranova

THE CONNOTATIVE CAPACITY OF NOUNS OF EVENTS AND SITUATIONS IN TRANSLATION FROM RUSSIAN TO BULGARIAN

Abstract. The subject of this article is the transfer of culture-specific connotative meanings of Russian nouns of events and situations in translation to Bulgarian. The possibilities of obtaining adequate performance in the target text of the connotative capacity of the lexical units from the source text based on the analysis of their semantic and functional characteristics are explored.

Keywords: connotation, translation, pragmatic potential

Несоизмеримость культурных представлений разных языковых общностей поднимает ряд вопросов, от решения которых зависит полноценное общение людей в современном мире. Часть этих вопросов попадает в сферу лингвистической проблематики, что определяет повышенный интерес исследователей к культурной информации, аккумулированной в языковых единицах, и к способам транслирования этой информации инофонам в процессе межкультурной коммуникации (непосредственной или осуществляемой через посредничество переводчика).

Одна из категорий, которая является связующим звеном между двумя знаковыми системами – языком и культурой, является коннотация [1, с. 215]. Культурное своеобразие коннотативной семантики разных языков определяет высокую степень сложности ее воспроизведения средствами иного языка. С точки зрения трудностей, связанных с полноценной передачей семантико-прагматической ценности исходных единиц при переводе художественного текста, среди лексем с коннотативным значением особо выделяются те, в контекстуальных реализациях которых эмотивно-экспрессивная функция доминирует над оценочной или имеет равный ей статус. Это прежде всего связано с тем, что языковое воплощение эмоций отличается ярко выраженной культурной спецификой. Такие единицы характеризуются значительным прагматическим и изобразительным потенциалом, который очень сложно полноценно воспроизвести в тексте перевода (ПТ).

В представленной статье рассматриваются: 1) семантико-прагматическое содержание и контекстуально-функциональные характеристики русских субстантивов, чьи коннотативные значения возникают в результате ассоциативной пересылки к определенной эталонной ситуации, которая является знаковой для представителей русской лингвокультуры и связана в их сознании с определенным эмоциональным переживанием; 2) способы передачи коннотативного потенциала этих субстантивов при переводе художественного текста с русского на болгарский язык.

Вслед за Г.В. Токаревым мы считаем, что эмотивные коннотации являются результатом эмоциональной презентации определенного оценочного стандарта. Они всегда тесно связаны с оценкой номинированного объекта в силу того, что образная номинация не просто указывает на явление, но вызывает «эмоциональное переживание определенного квазистереотипа» [2, с. 59]. Так как эмоциональный накал образного обозначения фрагментов действительности намного выше, чем у денотации или у дескрипции, переводчик должен стремиться к соизмеримой в эмотивном плане реноминации в ПТ, что сужает диапазон возможных решений. Рассмотрим несколько примеров.

Ш'абаш. Несмотря на то, что субстантив *шабаш* имеет иноязычное происхождение, в русском языке он обладает мощным эмоционально-оценочным потенциалом. В ТСИС Л. П. Крысина представлены 2 основных значения существительного *шабаш*: а, м. (польск. *szabas* < идиш *Schabbes* суббота < др.-евр. *šabbāth* суббота). 1. в иудаизме: субботний отдых. 2. в средневековых поверьях: ночное сборище ведьм [6].

Этимология этих значений обуславливает формирование следующих коннотативных сем в структуре р. *шабаш*: К1 '*свободное от работы время, отдых*' и К2 '*отсутствие нравственных ограничений, чувство безнаказанности, сатанинское бесчинство, злодеяние, разгул нечистой силы*'. На базе этих коннотаций возникают:

А) переносные значения: 3. *перен.*, *неодобр.* неистовый разгул. // ср. вакханалия, оргия, сатурналия; 4. '*частица, употр. в знач. сказ.* (< др.-евр.): *прост.* баста, кончено' [6];

Б) производные слова: *шабашник* (*прост.*) — 'человек, который выполняет строительные, ремонтные и др. работы по договору с работодателем (обычно в короткие сроки и за высокую цену)'; *шабашить* (*прост.*) — 'кончать или прерывать работу'; *шабашничать* — 'быть шабашником, занимается шабашкой'; *шабашка* (*прост.*) — 'дополнительный заработок'; *бесшабашный* — '1. безрассудный, беспечный (о человеке). 2. *перен.* безудержный, отчаянный' [6; 4].

В современном русском языке реализация разных значений данной лексемы связана с акцентологической вариацией. Лексико-семантический вариант (ЛСВ)1, ЛСВ2 и ЛСВ3 (а также производные от них слова) маркированы ударением на первом слоге, а ЛСВ4 – на втором (это дает основание некоторым лексикографам представить их как отдельные лексические единицы [4]).

Метафорическое значение (ЛСВ3) единицы *шабаш* имеет достаточно широкие смысловые рамки – оно может обозначать любую форму проявления неистового разгула. Поэтому его актуализация в речи обычно сопровождается контекстуально подкрепленной конкретизацией. Кроме того, его денотат мотивирован коннотацией К2, а это значит, что образно-оценочный и

эмотивный компоненты превалируют над его предметным содержанием. Чтобы передать достаточно полно смысловой объем исходной единицы, переводчик должен подобрать переводную единицу, которая, с одной стороны, в состоянии адекватно отразить соотношенность с реальной ситуацией, а с другой – содержит пейоративную оценку и ассоциируется в сознании иноязычного читателя с произволом, бесчинством, разгулом, даже с сатанизмом.

Отсутствие в болгарском языке (БЯ) семантико-прагматического эквивалента русской лексемы объясняет разные переводческие решения, которые были зарегистрированы в процессе обработки эмпирического материала. Например:

(1) *Шел 1937 год, на физфаке МГУ азартно громили троцкистов (...) Но Чалдонов, человек клинически порядочный и честный, каждую словесную баталию на заседании ученого совета воспринимал как настоящее сражение, причем вполне в духе Достоевского: дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей. Линдт на этих **шабаихах** демонстративно садился поближе к оратору и быстро начинал строчить что-то в тетрадь (Степнова М., „Женщины Лазаря»). // Течеше 1937 година, във Физическия факултет на МГУ хазартно громяха троцкистите (...) Но Чалданов, човек клинично порядъчен и честен, възприемаше всяка словесна битка на научен съвет като истинско сражение, при това напълно в духа на Достоевски: дяволът се бори с Бога, а бойното поле са сърцата на хората. По време на тези **разправии** Линдт демонстративно сядаше по-близо до оратора и бързо започваше да си драска нещо в тетрадката (перев. А. Григорова).*

В исходном тексте (ИТ) коннотация номинации *шабаих* 'сатанинское начало, произвол' имплицитно выражает авторскую оценку описанной в приведенном отрывке ситуации и приобретает характер сжатого политического комментария. Она визирует безнаказанную политическую расправу власть имущих над «неудобными» на всех уровнях общественной жизни, даже в таких априори аполитичных сферах, как научная. Поэтому ее передача при переводе является необходимым условием адекватности ПТ.

Конкретизация значения путем выбора б. *разправии* безусловно передает внешние характеристики означаемого, но лишает его

глубинной сути. В результате примененной трансформации срывается также экспрессивность ПТ, так как нейтрализуется эмоционально-оценочная градация, которая прослеживается в разных характеризующих номинациях референтной ситуации в ИТ: *словесная баталия – настоящее сражение – дьявол с Богом борется – шабаши*. Более того – градация в болгарском тексте нисходящая: *словесна битка – разправиш*. Чтобы сохранить высокую степень экспрессивности исходной единицы в данном контексте необходимо осуществить частичную замену образа единицей того же семантического ряда, например, расчлененной номинацией б. *дьяволско сборище*.

Частичная утрата второго плана прослеживается и при другом употреблении единицы *шабаши* в романе:

(2) *Впрочем, однажды она [секретарь ученого совета] остановила его на пороге аудитории, в которой намечался очередной **научный шабаши*** (Степнова М., „Женщины Лазаря»). // *Впрочем, веднъж тя го спря на вратата на аудиторията, в която започваше поредната **научна говорилня*** (перев. А. Григорова).

Значение существительного б. *говорилня* - '*разг. пренебр. место, где ведутся долгие, безрезультатные разговоры, обсуждения*' [9] отчасти передает прагматическую нагруженность русской номинации. Таким образом, в представленном переводе регистрируется полная замена образа. Но так как использованный в ПТ образ характеризуется недостаточно высокой степенью экспрессивности, эта трансформация должна сопровождаться дополнительной экспликацией имплицитного содержания. Чтобы сохранить в ПТ семантический нюанс '*отсутствие каких-либо моральных ограничений*', который содержится в исходной единице и обуславливает ее эмоциональный заряд, но отсутствует в выбранном переводном соответствии, необходимо добавление поясняющего определения, например, б. *абсурдна* - '*не соответствующая человеческой логике и здравому смыслу*'. Такое решение способствует более полноценному транслированию эмотивно-оценочного потенциала ИТ:

*...започваше поредната **абсурдна научна говорилня**.*

Иное соответствие русской лексемы *шабаш* использовано переводчиком, когда она употреблена в разговорно-бытовом дискурсе:

(3) . *Народ скучает. Кое-кто вздремывает после вчерашнего шабаша на дискотеке „Мастер»* (Орлова В., „Вчера»). // *Народът скучае. Някои дремят след вчерашния купон в дискотека „Майстора»* (перев. В. Корнилев).

Приведенный фрагмент – часть описания атмосферы на лекции в вузе, увиденной глазами одной из студенток. Здесь коннотативный смысл К2 '*неуправляемый, безответственный, бесшабашный*' актуализируется в связи с К1 '*свободное от работы время, отдых*'. Он обеспечивает прагматическую ценность исходной единицы в данном контексте, так как участвует в построении оценочной характеристики участников ситуации. На К2 строится контраст между серьезными философскими вопросами, к которым лектор пытается приобщить свою аудиторию – с одной стороны, и психологическим настроением той же аудитории – с другой. Болгарский субстантив *купон*, который можно рассматривать как единицу того же семантического ряда, в данном случае является адекватным функциональным эквивалентом, так как он передает референтный план исходной единицы и в то же время имеет потенциал актуализировать релевантный в этом контексте имплицитный смысл. Но так как данная коннотативная сема имеет факультативный характер в болгарской лексеме, она может быть контекстуально активизирована путем экспликации, например через добавление прилагательных: *щур, луд* или *див*. Таким образом можно добиться полноценного транслирования прагматического потенциала ИТ, а также интенсифицировать интертекстуальную аллюзию к роману М. Булгакова „Мастер и Маргарита», которая возникает в результате взаимодействия коннотаций. *шабаш* и названием дискотеки.

Балаган. Формирование коннотативной семы К1 '*безвкусица, пошлость*', присущей лексической единице *балаган*, связано с оценкой, которую получает ее означаемое в 19в.: '2. жанр демократичного ярмарочного спектакля – грубоватое, часто комическое зрелище с сатирическими мотивами, основанное на рифмованных прибаутках, балагурстве, и снабженное различными

шумовыми эффектами'. Пренебрежительное отношение к этим широко распространенным народным зрелищам объясняется тем, что их символика и эстетика в то время воспринимались вне контекста истории мировой культуры. Их художественная ценность становится объектом серьезных искусствоведческих и культурологических исследований только в 20 в. Именно тогда происходит реабилитация этого жанра и приобретение им статуса полноценного сценического искусства – в настоящее время "балаган" воспринимается как 'современный театральный жанр, основанный на стилизации народных балаганных представлений'. Однако само слово до сих пор сохраняет свою первоначальную коннотацию, которая содержит отрицательный оценочный компонент и является основанием для возникновения переносного значения: 'З. *прен.*, что-то грубое, несерьезное, не соответствующее высокому художественному вкусу' [5].

При каждом употреблении лексемы (в качестве метафоры или эталона в составе устойчивого сравнения) в речи актуализируется ее пейоративность за счет идейно-эстетической несоизмеримости двух областей, между которыми осуществляется ассоциативный перенос. Так как в ИТ прагматический компонент 'неадекватный, неприемлемый, несоответствующий' активизируется через соотнесение коннотации образной номинации и параметров реальной ситуации, его в обязательном порядке следует воссоздать в ПТ при помощи образа. Например:

(4) *Вошел принц Евгений, прихрамывая, с лицом мальчика и с большой улыбкой. За ним громадная фигура грубого, пестро одетого, как в балагане, неаполитанского короля – Иоахима Мюрата (А. Виноградов, "Три цвета времени" – Национальный корпус русского языка (НКРЯ)). // Леко накуцвайки, влезе принц Йожен, с момчешко лице и болезнена усмивка. Зад него беше грамадната фигура на грубия, пьстро облечен като на панаир неаполитански крал Жоашен Мюра (перев. Л. Павлов).*

Коннотация субстантива б. *панаир* не обнаруживает полную эквивалентность с исходной единицей, хотя эти лексемы принадлежат к одной тематической области. Болгарское слово характеризуется более широкой коннотативной семантикой.

Показательными в этом смысле являются ее переносное значение – *'слишком шумное и многолюдное место'*, и ее синонимы: *безредие, беспорядък, хаос, шум, гюрултия*. Сходные эмоционально-оценочные параметры р. *балаган* заложены в переносном значении производного от болгарской единицы прилагательного -. *панаирджийски* (*'прен. разг. ирон.'*) несериозен, комичен: *панаирджийско облекло*, что подтверждается синонимическим рядом, в который входит дериват: *евтин, безвкусен, крещящ* [9]). Иными словами, означаемое болгарского субстантива присутствует в сознании носителей БЯ в виде фрейма (совокупности стереотипных представлений о предмете или явлении), а сама языковая единица дает многоаспектную характеристику данной ситуации. Благодаря тому, что в сравнительных конструкциях основание сравнения выражается эксплицитно, в них полностью нейтрализуется многозначность переводной единицы. Это дает возможность осуществить семантически и прагматически полноценную замену русской лексемы субстантивом того же семантического ряда.

Аналогичное переводческое решение выбрано в следующем контексте:

(5). *Вот этого балагана японцы стерпеть не могли. Военная тюрьма создана не для веселья. От них требовали, чтобы они сами мыли полы. – Лучшие сдохну, – отвечал матрос. – Одно дело драить палубу на крейсере, другое на тюрьму шик-блеск наводить* (Пикуль В., „Крейсера»). // *Это този панаир японците не можеха да понесат. Военният затвор не е място за веселба. От пленниците изискваха сами да си мият подовете* (перев. Ю. Пенева-Палова).

В обоих случаях выбор переводчика обусловлен необходимостью передать прагматическое значение, заложенное в исходном УС и в исходной метафоре, которое определяет референтную ситуацию как абсурдная и неприемлемая.

Иное переводческое решение зарегистрировано в третьем примере:

(6) *...он (Воланд) опять наклонился к краю кровати и крикнул: – Долго будет продолжаться этот балаган под кроватью? Вылезай, окаянный ганс! – Коня не могу найти, – задущенным и фальшивым голосом отозвался из-под кровати кот, – ускакал куда-то, а вместо*

него какая-то лягушка попадается (Булгаков М., „Мастер и Маргарита»). // ...той се наведе отново през рѣба на леглото и викна: – Докога ще траят тези **циркове** под крѣвата? Хайде, излизай, проклети Ханс! – Не мога да намеря коня – обади се изпод крѣвата с приглушен фалцет котаракът, – препуснал е нанякъде и вместо него ми се навира някаква жаба (перев. Л. Минкова).

В данном фрагменте семантика глагола р. *продолжаться* и наречия р. *долго* оттеняют процессуальность референтной ситуации, что мотивирует переводческий выбор. Несмотря на принадлежность к одному тематическому ряду, болгарские единицы *панаир* и *цирк* характеризуются разной жанровой фиксацией в языковом сознании носителей БЯ. Иными словами, знания о номинированном объекте действительности структурированы по-разному. В отличие от темпорально статической фреймовой структуры лексемы *панаир*, означаемое субстантива *цирк* присутствует в когнитивной базе представителей лингвокультурного сообщества в виде сценария – определенной последовательности во времени отдельных эпизодов. Следовательно, оно имеет сюжетный, процессуальный характер и поэтому более точно передает семантические и функциональные характеристики исходной единицы в данном контексте. Безусловно, нельзя не учитывать то, что в речи эта лексическая единица может реализовать противоположные коннотативные семы: К1 '*веселие, искренняя детская радость и восторг*' и пейоративную К2, на которой основано переносное значение лексемы: '*прен., смехотворное зрелище, шумный или забавный эпизод*' (ср. доминирующие положительные коннотации русской лексемы *цирк*, которая употребляется с негативной оценкой значительно реже, чем *балаган*). Однако, отрицательная оценка последовательно активизируется формой множественного числа данного существительного (*циркове*), которую выбрал переводчик. Иными словами, коннотативное поле б. *цирк* и исходной единицы пересекаются, и они могут быть адекватными переводными эквивалентами.

Каторга. Лексема *каторга* имеет концептуальный статус в русской лингвокультуре. С одной стороны, ее денотат функционально отличается от денотатов остальных слов той же

лексико-семантической группы – таких, как *заключение, тюрьма, темница, бастилия, острог, кутузка, казенный дом* и др. Кроме как с лишением свободы, этот вид наказания связан с тяжелым, непосильным физическим трудом (ср. значения лексемы, приведенные в словаре В. И. Даля: 'ж. 1. торговое наказание или кара, состоящая в лишении прав состояния и в ссылке на работу, под строгим надзором; у нас зовут так только ссылку в работу в Сибирь. 2. *стар.* галера, гребное судно, на которое преступники ссылались в гребцы' [3]). С другой стороны, каторжное наказание в сознании носителей РЯ окружено романтическим ореолом, который связан с его культурно-исторической ролью в формировании русского общества. Коннотативное употребление данной номинации неизменно пересылает к многочисленным сломанным судьбам несправедливо приговоренных к такому наказанию представителей интеллигенции, которые являлись знаковыми фигурами в политической, культурной и социальной жизни России. Почти все ассоциации, представленные в русском ассоциативном словаре, отражают эмоции, связанные с обреченностью, несправедливостью, несчастьем, с непосильным трудом и героизмом: *тюрьма, ссылка, жизнь, кандалы, работа, сибирь, магадан, тяжелая, цепи, ад, мучение, пожизненная, ужасная, ... декабристы, ... жуткая, заключенный в неволе, ... кресты, ... лагерь, метель, ... несчастье, ... Пушкин, Пикуль, работа, страх, убийственная*. только одна из приведенных ассоциаций определяет денотат как наказание за совершенное преступление: *наказание*, и ни одна из них не концептуализирует его как заслуженное наказание, справедливое возмездие, расплата за грех [8].

В результате такой когнитивной, оценочной и эмотивной интерпретации денотата лексемы в ее содержательной структуре выделяется сильно эмоциогенная коннотация: к '*незаслуженные длительные физические и психические мучения*'. именно она мотивирует семантическую деривацию, в результате которой возникает переносное значение: '*тяжкое, горькое житье, вообще мука. не житье, а каторга.*' [3].

типичная реализация этого системного коннотативного значения историзма каторга представлена в следующем фрагменте одного из эмблематических произведений русской классической литературы:

(7) . *Она с соболезнаванием смотрела теперь на ту каторжную жизнь, которую вели бледные, с худыми руками прачки, из которых некоторые уже были чахоточные, стирая и гладя в тридцатиградусном мыльном пару с открытыми летом и зимой окнами, и ужасалась мысли о том, что и она могла поступить в эту каторгу* (Л. Толстой, „Воскресение» – НКРЯ). // *Тя гледаше със съчувствие робския труд на бледните перачки със сухи ръце, някои от които бяха хванали вече туберкулоза от прането и гладенето при тридесет градуса сред сапунена пяна и при отворени и лете, и зиме прозорци, и се ужасяваше от мисълта, че и тя можеше да влезе в този затвор* (перев. Л. Стоянов).

В данном контексте рассматриваемое коннотативное значение актуализируется дважды: в составе словосочетания *каторжная жизнь* и в метафорическом употреблении субстантива *каторга*, причем в первом и во втором случае представлены разные параметры описываемой ситуации. Словосочетание характеризует социальную функцию представительниц определенной общественной прослойки как ежедневный непосильный физический труд, который должен обеспечить им средства к выживанию, а на самом деле обрекает их на гибель. Повторная актуализация К в метафоре надстраивает этот смысл и определяет ситуацию как психологически тяжелую, неизбежную, противоречащую свободной воле человека. Поэтому решение переводчика использовать разные коннотативно маркированные лексемы, мотивирующие образные номинации, представляется вполне оправданным. Частичная замена образа в обоих случаях адекватно транслирует оценочно-экспрессивный и эмотивный потенциал исходных единиц. Болгарский субстантив *робство*, который лежит в основе выбранного переводного соответствия, является оценочным эквивалентом р. *каторга* в этом контексте, так как он вызывает сходные ассоциации – с *подчиненностью, зависимостью, бесправием, бременем, мукой, примирением*, а его ключевая позиция в когнитивной базе

представителей болгарской лингвокультуры и в образной системе на БЯ делает его эмоционально соизмеримым с русской лексемой – он вызывает сострадание, сопричастность, сопереживание. Денотативный болгарский эквивалент *каторга* эмоционально и экспрессивно слабее и не в состоянии передать в полном объеме коннотации исходной номинации.

Замена образа в метафоре другой единицей – б. *затвор*, тоже ставит правильный семантический акцент, выводя на первый план семы '*душевное страдание*', '*безвыходность, несправие*'. Таким образом, семантическая модуляция, реализованная в ПТ выбором словосочетания *робски труд* и лексемы *затвор* актуализирует релевантный для обоих словоупотреблений имплицитный смысл.

Характер и накал эмоционального переживания со стороны представителей болгарской лингвокультуры, порождаемого актуализацией концепта б. *робство*, сближает его с р. *каторга* в прагматическом и образном плане – он также содержит сему '*незаслуженное положение*'. Но поскольку для носителей БЯ р. *кабала* является лакуной, лексема б. *робство* может быть использована в качестве функционального эквивалента в переводе этого фрагмента, так как она передает более важную в данном случае эмотивную составляющую коннотации (чувство безысходности, обреченность, неизбежность), причем отчасти модифицированная оценочность единицы компенсируется контекстом. Поэтому частичную замену образа единицами *робувам* и *робство* в этом случае можно определить как адекватная переводческая стратегия, тем более что интенсифицированная несовершенным видом глагола процессуальность ставит акцент на длительности описываемого подчиненного положения, тем самым подчеркивая мрачность перспектив.

Итак, анализ коннотативного потенциала событийно-ситуативный субстантивов и переводов контекстов, в выстраивании прагматической рамки которых они принимают непосредственное участие, дает основание утверждать, что в силу значительной эмоциогенности этих единиц при их употреблении часто экспрессивно-эмотивная функция доминирует над экспрессивно-оценочной или образно-номинативной. Это ограничивает диапазон

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Михайлова Галина Анатольевна
профессор ТиАСР, к.п.н, доцент
Дальневосточная пожарно-
спасательная академия-
филиал Санкт-Петербургского
университета
ГПС МЧС России
Россия, г. Владивосток
e-mail: judges64@inbox.ru

Mikhailova Galina Anatolyevna
Professor
Candidate of pedagogy, associate-
professor
Far-Eastern Fire-Rescue Academy
Russia, Vladivostok
e-mail: judges64@inbox.ru

Г.А. Михайлова

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

Аннотация. Иностранный язык как ценность цивилизованного мира в настоящее время становится инструментом формирования специалиста новой формации. Важной задачей является подготовка профессионала, способного успешно общаться с представителями других культур на изучаемом языке, понимать участников коммуникации, принадлежащих к разным национальным культурам. Обучение иностранному языку в неязыковом вузе носит не только теоретический характер, оно ориентировано на будущую практическую профессиональную деятельность обучающихся.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, языковая подготовка.

G.A. Mikhailova

FOREIGN LANGUAGE IN THE PROCESS OF SPECIALISTS' TRAINING AT THE NON-LANGUAGE FACULTIES

Abstract. A foreign language as a value of the civilized world becomes nowadays an instrument of educating a specialist of a new formation. An important task is a training of young people able to communicate with representatives of different cultures, understand participants of communication belonging to various national cultures. Therefore, the teaching of a foreign language at the non-language faculties has not only the theoretical level; it is oriented on the future practical, professional activity of the students.

Keywords: intercultural communication, language training.

Быстро развивающиеся международные деловые контакты, развитие глобальных компьютерных сетей дают более широкие

возможности общения с зарубежными коллегами, и в связи с этим растет потребность в специалистах со знанием иностранного языка. Владение иностранным языком является неременным условием и для тех, кто стремится добиться успеха в карьере. В связи с этим, многие студенты высших учебных заведений стараются наряду с освоением основной профессии совершенствовать и знание иностранного языка. В настоящее время в этом плане приоритет отдается английскому языку как наиболее применяемому в межнациональном, межгосударственном общении и средствах массовых коммуникаций.

Помимо этого, изучение иностранного языка рассматривается повсеместно как путь к ценностям цивилизованного мира [10, с. 325]. Эти ценности представлены в таких способах организации занятия, которые способствовали бы свободному развитию личности.

В настоящее время статус дисциплины «Иностранный язык» в образовательной системе неязыковых вузов выходит за рамки учебного предмета и становится инструментом формирования специалиста новой формации, готового к участию в межкультурной коммуникации, самообразованию, творчеству, способного постичь культурное наследие страны изучаемого языка, соотнести его с отечественной культурой и ее местом в мировом историческом контексте. В связи с этим, основной целью при обучении иностранному языку в вузе системы МЧС является развитие у курсантов межкультурной коммуникативной компетенции как способности успешно общаться с представителями других культур на изучаемом языке. Процесс обучения иностранному языку, построенный на коммуникативной основе, расширяет возможности формирования у обучающихся общей картины мира, межличностных отношений, способствует формированию навыков самообразования, самореализации личности, так как коммуникативное обучение ориентировано на личность. Современная цель обучения иностранному языку и культуре может быть сформулирована как подготовка к реальной межкультурной коммуникации. Ряд авторов трактуют межкультурную коммуникацию как адекватное взаимопонимание участников коммуникации, принадлежащих к разным национальным культурам [1]. Именно такая постановка

обучения соответствует потребностям, предъявляемым к иностранным языкам на современном этапе развития общества. В настоящее время ставится вопрос о приобщении личности XXI века к мировой культуре, о приближении его образовательного уровня к европейскому стандарту, о владении им не менее чем двумя иностранными языками. И это неслучайно, поскольку, с усилением взаимодействия цивилизаций, взаимопроникновением культур, чётко обозначается и процесс массового внедрения обучения иностранным языкам, в ходе которого могут и должны быть заложены прочные основы, необходимые человеку для участия в непосредственном и опосредованном диалоге культур. Для этого, в свою очередь, необходимо постепенное ознакомление через изучаемый язык с историей и современной жизнью страны, язык которой изучается, её традициями и культурой.

Определенные теоретические наработки в контексте обозначенной проблемы имеются. Педагогические и методические аспекты межкультурной коммуникативной компетенции рассматриваются в работах Н.Д. Гальсковой, Н.Н. Доловой, Т.В. Починок и других [2, 3, 7, 10, 11].

Но, несмотря на имеющиеся исследования, на сегодняшний день, по мнению О.Е. Молчановой, наблюдается беспомощность некоторых из выпускников высших учебных заведений в условиях реального общения в иноязычной среде, недостаточная широта взглядов, неумение адаптироваться в новых условиях общения [5, с.65]. В связи с этим, нам, преподавателям дисциплины «Иностранный язык», необходимо направить все свои усилия на повышение эффективности обучения данной дисциплины. Для этого необходимо выявить и реализовать оптимальные условия межличностного общения, научить студентов культуре общения. Как отмечает В.М. Розин: «Образованный человек – это не только специалист, а именно, человек культурный и подготовленный к жизни, подготовленный к испытаниям, сменам образа жизни, мировоззрений, мироощущений. Образованный человек является культурным и в том смысле, что принимает и понимает иные культурные позиции и ценности, осознает ценности не только собственной независимости, но и чужой» [8, с. 28].

Опираясь на многолетний опыт российских и зарубежных методистов, можно сказать, что обучение иностранному языку на основе ознакомления обучающихся с культурой другой страны является одним из базовых принципов обучения этому предмету. Приобщение к культуре другого народа не только делает изучение иностранного языка более привлекательным, но и способствует полноценной коммуникации, более точному и адекватному пониманию носителей данной культуры. При этом обучение иноязычной культуре используется не только как средство межличностного общения, но и как средство обогащения духовного мира личности на основе приобретения знаний о культуре страны изучаемого языка (история, литература, музыка и так далее), знаний о строе языка, его системе, характере, особенностях и так далее. Как отмечает С.Г. Тер-Минасова: «Язык не существует вне культуры» [9].

Сегодня требуется выработка такой языковой политики в области иноязычного образования, которая была бы нацелена на удовлетворение и общественных, и личных потребностей человека. При этом центральными проблемами перестройки обучения иностранному языку являются вопросы определения целей, а также содержания обучения, адекватного им, при разработке которых наиболее эффективными представляются идеи об обучении не просто языку, а иноязычной культуре в широком смысле этого слова. С одной стороны, цель детерминируется объективными нуждами большинства, выражая его социальный заказ, с другой, она сама детерминирует всю систему обучения, определяя и содержание этой системы, и её организацию [6].

Анализируя проблемы, возникающие сегодня в процессе преподавания дисциплины «Иностранный язык» в неязыковом вузе, хочется отметить, что преподаватель должен хорошо знать особенности научных и специальных текстов по изучаемой специальности и по мере надобности знакомить с ними обучающихся. В первую очередь это изучение специальной терминологии, особой общенаучной и специфической служебной лексики, тех или иных сложных грамматических конструкций.

Языковая подготовка, ориентирующаяся в основном на знания, носит теоретический характер, в то время как подготовка курсантов с ориентацией на будущую профессиональную деятельность является практической. И здесь внимание уделяется практической направленности на формирование и развитие определенных навыков и умений, например, связать родную культуру и иностранную друг с другом, выступить посредником между родной культурой и иностранной, преодолеть зависимость от стереотипов, а также – уметь вести беседу на профессиональные темы, писать резюме, деловые письма, общаться по телефону, читать профессиональную литературу и т.д.

Вузовский курс дисциплины «Иностранный язык» продолжает школьный, поэтому обучение иностранному языку в вузе обеспечивает преемственность в языковой подготовке студентов. И на этом этапе важно продолжить, но на более высоком качественном уровне, формирование коммуникативных умений, предполагающих овладение языковыми средствами и навыками оперирования ими в процессе говорения, аудирования, чтения и письма, а также освоение социокультурных знаний и умений.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что преподавателям дисциплины «Иностранный язык» приходится иметь дело с курсантами, которые ранее обучались в разных классах, где были разные возможности для изучения данной дисциплины. В условиях разноуровневой подготовки обучающихся представляется целесообразным индивидуализировать цели, имеющие отношение к уровню владения языком. В связи с этим необходимо уделить пристальное внимание отбору содержания и методов преподавания иностранного языка с учётом специфики учебного заведения, а также образовательным технологиям и формам взаимодействия преподавателя и курсантов в процессе обучения.

Анализ педагогических источников обращает нас к опыту Дьяченко Виталия Кузьмича (последователя основоположника «корнинского метода» А.Г. Ривина), который ввёл понятие «общие формы организации обучения» и дал объяснение того, что общие формы организации обучения должны быть аналогичны основным формам общения людей [4]. В соответствии с формами общения

людей, он предложил рассматривать индивидуально-обособленную, парную (пары постоянного состава), групповую и коллективную (т.е. в парах сменного состава) организационные формы образовательного процесса. Каждая форма предусматривает специальную подготовку учебного материала и способы передачи его обучающимся, особые виды их деятельности при усвоении знаний. Для полноценного образования В.К. Дьяченко подчёркивал необходимость использования всех четырёх форм – в том числе обязательно и коллективной формы обучения (т.е. общения в парах сменного состава). Коллективное обучение при этом происходит при наличии связей не только между преподавателем и обучаемыми, но и между самими обучающимися.

Творческое наследие этого замечательного педагога нашло свое воплощение и при проведении практических занятий по дисциплине «Иностранный язык» в Дальневосточной пожарно-спасательной академии. Курсанты совершенствуют навыки владения языковыми нормами в разных формах образовательного процесса при изучении таких практико-ориентированных тем, как «Необходимость применения дыхательных аппаратов на пожаре», «Современные дыхательные аппараты», «Инструменты, используемые при тушении пожаров», «Пожарная безопасность в России» и др. В процессе обучения в группах, при работе в парах сменного состава (при изучении темы «Функции пожарных», «Взрывы», «Пожарная безопасность в разных странах») развиваются такие качества, как сотрудничество, доброжелательность, ответственность каждого и чувство коллективной ответственности, необходимые курсантам в дальнейшей профессиональной деятельности. Индивидуально-обособленная форма часто практикуется при работе по темам «Моя будущая профессия», «Наше высшее учебное заведение», когда каждый курсант должен подготовить презентацию о своей будущей профессии, обосновать свой профессиональный выбор, самостоятельно выполнить задания творческого характера: рассказать об учебных заведениях, готовящих пожарных в России, сравнить особенности обучения в высших учебных заведениях Дальнего Востока России. Результатом такой деятельности является участие наших обучающихся в конкурсах, олимпиадах, проводимых

учебными заведениями Приморского края. Так, в декабре 2017 года отдел международных образовательных программ и кафедра образования в области романо-германских языков Школы педагогики ДВФУ (г. Уссурийск) в рамках российско-британского Года науки и образования провели интернет-конкурс творческих письменных работ на тему «История и современность британских университетов». Курсант нашей академии Страшков Леонид принял участие в данном конкурсе. Его работа «Подготовка специалистов пожарного дела», где был проведен сравнительный анализ учебных заведений специализированного профиля России и Великобритании, вызвала неподдельный интерес среди членов жюри, и по результатам голосования ему было присуждено I место в номинации «Русский язык».

Таким образом, при изучении дисциплины «Иностранный язык» перед курсантами открываются неограниченные возможности для творческой деятельности, расширяется их кругозор, развиваются культурные навыки, эстетический вкус. Помимо отмеченного выше этому способствуют такие виды работы на занятиях, как проведение бесед, дискуссий, в процессе которых курсанты учатся слушать, задавать вопросы, делать заметки, излагать свою точку зрения, приводить доказательства своей точки зрения. При чтении специальной литературы они учатся бегло просматривать текст с целью получения общего представления о прочитанном, оценивать прочитанное, готовить резюме, пересказ; при работе со справочной литературой – достаточно быстро пользоваться словарем, оглавлением; при подготовке эссе, выступления – составлять план, конспектировать, вносить поправки, использовать цитаты, составлять библиографию и т.д.

Подготовка квалифицированных специалистов для системы предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в современных условиях предусматривает не просто повышение уровня образованности курсантов, а также формирование нового типа интеллекта, иного образа и способа мышления, приспособленного к быстро меняющимся экономическим, социальным и информационным реалиям окружающего мира. И этому способствует изучение иностранного языка, направленного на

развитие межкультурной коммуникативной компетенции. Иностранный язык как учебный предмет содержит в себе огромные резервы для квалифицированной профессиональной подготовки специалистов, и в процессе обучения у курсантов – будущих специалистов пожарно-спасательного профиля – формируются коммуникативные умения, необходимые для их карьеры и профессионального роста.

Библиографический список

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык. – 1992. – 277с.
2. Гальскова Н.Д. Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. – 2004. – №1. – С.3-8
3. Доловова Н.Н. Значимость умения давать дефиниции в межкультурной коммуникации // Иностранные языки в школе. – 2008. – №7. – С.18-24.
4. Дьяченко В.К. Общие организационные формы учебного процесса. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1984. – 184 с.
5. Молчанова О.Е. Проблемы межкультурной коммуникации в высшем образовании // Материалы междисциплинарного семинара для молодых ученых и аспирантов. – Новосибирск, 2007. – С.65-69.
6. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. 2-е издание. – М.: Просвещение. – 1991. – 223с.
7. Починок Т.В. Формирование социокультурной компетенции как основы межкультурного общения // Иностранные языки в школе. – 2007. – №7. – С.2-
8. Розин В.М. Философия образования: предмет, концепции, основные темы и направления изучения// Философия образования для XXI века. – М., 1992. – 125с.
9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. Учебное пособие. – М.: Слово. – 2000. – 25с.
10. Языкова И.Н. О необходимости понимания культуры другой страны при изучении иностранного языка в вузе. // Материалы междисциплинарного семинара для молодых ученых и аспирантов. – Новосибирск, 2007. – С. 325-327.
11. Яковлева Л.Н. Межкультурная коммуникация как основа обучения второму иностранному языку // Иностранные языки в школе. – 2001. – №6. – С.4-7.

Абрамова Вероника Игоревна
К.ф.н., доцент
Тульский государственный
педагогический университет им.
Л.Н. Толстого
Россия, г. Тула
e-mail: istinijobraz@mail.ru

Abramova Veronika Igorevna
Associate Professor, Ph.D
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical
University
Russia, Tula
e-mail: istinijobraz@mail.ru

Архангельская Юлия Владимировна
К.ф.н., доцент
Тульский государственный
педагогический университет им.
Л.Н. Толстого
Россия, г. Тула
e-mail: archangelju@yandex.ru

Arkhangelskaia Julia Vladimirovna
Associate Professor, Ph.D
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical
University
Russia, Tula
e-mail: archangelju@yandex.ru

В.И. Абрамова, Ю.В. Архангельская
**ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КВЕСТ В ПРАКТИКЕ
ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ: ИЩЕМ «ЗЕЛЁНУЮ ПАЛОЧКУ»
Л. Н. ТОЛСТОГО В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ**

Аннотация. Авторы статьи, создавшие и апробировавшие в иностранной аудитории образовательный квест «Ищем “зеленую палочку» Л.Н. Толстого», делятся размышлениями о процессе и результате своей деятельности. В основу квеста легли основополагающие понятия философии Л.Н. Толстого – «единство» и «самосовершенствование». Путешествуя по виртуально воссозданному пространству усадьбы Ясная Поляна, иностранные студенты знакомятся с биографией великого писателя. Одновременно обучающиеся ищут буквы, из которых затем составляют слова, актуальные по своему значению и для философии Толстого, и для русской ментальности, и для них самих. Представленный в статье образовательный квест включает следующие блоки: вводный, биографический, экскурсионно-поисковый, философский, лингвистический, обобщающий, контрольно-измерительный, рефлексивный. Исследователи отмечают положительные результаты проведенного квеста.

Ключевые слова: образовательный квест, русский язык как иностранный, Л.Н. Толстой, «зеленая палочка», счастье, единство, самосовершенствование.

V.I. Abramova, J.V. Arkhangelskaya
**EDUCATIONAL QUEST IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN
AS FOREIGN LANGUAGE: LOOKING FOR «GREEN STICK» OF
L.N.TOLSTOY IN THE VIRTUAL SPACE OF YASNAYA POLYANA**

Abstract. Authors of the article who created and tested in foreign audience the educational quest «Looking for “green stick» of L.N.Tolstoy», share their thoughts about the process and result of the activity. The basis of the quest is formed by foundational ideas of L.N.Tolstoy's philosophy – «unity» and «self-perfection». Traveling through virtually reconstructed space of Yasnaya Polyana, foreign students become familiar with the biography of the great writer. At the same time students are looking for letters, from which they will then put together words which are relevant in their meaning for the Tolstoy's philosophy, for Russian mentality and for themselves. The quest, presented in the article, comprises the following units: inductive, biographical, excursion and searching, philosophic, linguistic, summarizing, monitoring and measuring, reflective. Researchers note positive results of the conducted quest.

Keywords: educational quest, Russian as foreign language, L.N.Tolstoy, «green stick», happiness, unity, self-perfection.

Образовательный квест как современная интерактивная технология широко применяется педагогами в школе и в вузе при обучении дисциплинам гуманитарного и естественно-научного профиля. Часто квест-технология используется при обучении русских студентов иностранным языкам. Исследования Е.И. Багузиной, Г.А. Воробьева, Е.М. Шульгиной, М.А. Бовтенко показали, что в результате применения технологии веб-квеста у россиян, изучающих иностранный язык, эффективно формируются социокультурная и коммуникативная компетенции [1, 3, 10]. Существуют разработки по использованию квест-технологии и в методике преподавания русского языка как иностранного (Е.В. Толмачёва, А.В. Вавулина, Е.Ю. Николенко) [7, 2]. Следует отметить, что педагоги отдают предпочтение веб-квестам, т.е. поисковым заданиям, для выполнения которых необходимо использовать информационные ресурсы сети Интернет. Наша разработка – это тематический линейный образовательный квест для изучающих РКИ, который в зависимости от условий его реализации может проводиться как с использованием Интернет-ресурсов, так и без обращения к ним.

Тема предлагаемого нами квеста – жизнь, творчество и философия Л.Н. Толстого. Название квеста «Ищем “зеленую палочку» Л.Н. Толстого» связано с одним из фундаментальных понятий в философии писателя. В детстве братья Толстые искали зеленую палочку, на которой будто бы написан секрет всеобщего человеческого счастья. Такую игру придумал старший брат

Л.Н. Толстого Николай. Символ «зеленая палочка» писатель пронес через всю жизнь. В своих «Воспоминаниях» Л.Н. Толстой писал: «Очень, очень хорошо это было, и я благодарю бога за то, что мог играть в это. Мы называли это игрой, а между тем всё на свете игра, кроме этого» [8, т. 34, с. 392].

В конце жизни, в 1905 г., Л. Н. Толстой написал статью, которая называлась «Зеленая палочка» (опубликована посмертно в 1911 г.). В ней нет ни слова о зеленой палочке, но говорится о том, как правильно понимать главные жизненные ценности. Это свидетельствует о том, что «зеленая палочка» Толстого имеет не одно значение: это и волшебный предмет из сказки Николая Толстого, и символ всеобщей гармонии и счастья. Достичь их, по мысли Толстого, можно лишь путем самосовершенствования через постижение основных духовных истин – добра и любви к людям. Только это и может быть смыслом человеческого существования.

Мы не знаем, что было написано на зеленой палочке из сказки Николая Толстого. Но мы можем предположить, что написал бы на ней Лев Толстой. Обратимся для этого к дневникам писателя. В них отчетливо прослеживаются две идеи. Первая заключается в том, что счастье в единстве, в единении с другими людьми. В дневнике от 13 мая 1901 Л.Н. Толстой писал: «Ужасно одиноко положение того, кто не чувствует своего единения со всеми отдельными существами. Когда подумаешь о всех людях, существах, живущих отдельно, – ужас берет. Успокаивает и радует даже, когда их обнимаешь разумом и любовью» [9, с. 216].

Вторая идея – это идея о самосовершенствовании, духовной работе, усилении, которое исходит «изнутри». В дневнике от 1 января 1905 читаем: «То самое, что мы называем счастьем: здоровье, богатство, слава, красота, все это <...> ослабляет нашу энергию, устраняет возможность или, по крайней мере, не вызывает потребность проявить усилие, – то самое, что дает истинное благо... Искать того, что называется счастливыми условиями жизни: богатства, славы, здоровья, красоты, привлекательности, – это все равно что согреться у печки, а не здоровым трудом на свежем воздухе» [9, с. 271]. В дневнике от 4 мая 1905 Л.Н. Толстой писал: «Для животного существа в человеке нужно счастье извне, для

разумного, духовного существа нужно только усилие (усилие сознания) изнутри» [9, с. 278].

Будучи русским человеком, носителем русского менталитета, Толстой определял понятие «счастье» через базовые концепты русской культуры и ментальности – соборность (единение) и приоритет духовных ценностей (второстепенность материального) [4, с. 100–105, 115– 117].

Таким образом, цель разработанного нами квеста – познакомить студентов с понятиями, отражающими основные положения философии Л. Н. Толстого и базовые концепты русской культуры и ментальности.

Обе идеи – единство и самосовершенствование – актуальны и для иностранных студентов, изучающих русский язык в России. На зеленой палочке Толстого был написан секрет, как сделать всех людей счастливыми. Студенты, представители разных стран, оказавшиеся в одной учебной группе, – это маленькая модель мира, «всех людей». Здесь, в России, их объединяет русский язык, который они учат, русская культура, с которой они знакомятся и соприкасаются. Они приехали в чужую страну. И, естественно, что здесь, не дома, им не всегда комфортно. Радость узнавания своего в чужом, ощущение единства (через общие ценности) с другими людьми снимет этот дискомфорт.

Идея самосовершенствования для студентов тоже актуальна. Каждый из них должен прилагать усилия, чтобы освоить иностранный язык, войти в новую для себя культуру, найти общий язык с представителями других национальностей.

Прежде чем перейти к описанию разработанного и проведенного нами квеста, хотим отметить, что музей-усадьба Л.Н. Толстого Ясная Поляна организует квест «Тайна зеленой палочки» для школьников (детей 7-12 лет). Интересный эксперимент, связанный с символом «зеленая палочка», проводился в Ясной Поляне в июне и августе 2017 года. Это был иммерсивный (от англ. *immersive* – «обеспечивающий эффект присутствия») спектакль «Зеленая палочка». Облачившись в рубахи-толстовки, участники постановки (актеры и зрители) отправлялись в путешествие по пространству усадьбы Ясная Поляна, пытаясь ответить на вопросы

«Кто мы?», «Зачем мы живем?», «Что такое счастье?» Разрабатывая наш образовательный квест для иностранных учащихся, мы не использовали опыт проведения этих мероприятий, но обратили внимание на актуальность и продуктивность самой идеи.

Наш образовательный квест был проведен 21 декабря 2017 года в группе Г-2 (гуманитарный профиль: филологи, переводчики) на подготовительном отделении международного факультета Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. Состав группы: 2 студента из Китая, 2 студента из Вьетнама, 6 студентов из Туркменистана. Уровни владения русским языком – элементарный и базовый.

Квест состоял из следующих блоков:

1) вводный блок

Данный блок имеет вводный характер. Студенты определяют понятие «счастье», исходя из собственного жизненного опыта. Преподаватель задает наводящие вопросы, корректирует ответы. Цель блока – пробудить рефлексия, побудить к высказыванию своего мнения по поводу основного вопроса, который будет обсуждаться на занятии.

В конкретной группе студенты определили понятие «счастье» через понятия «семья» и «успешная самореализация», пришли к выводу, что счастье нематериально и несиюминутно.

2) биографический блок

Преподаватель, используя презентацию PowerPoint, рассказывает студентам о жизни Л.Н. Толстого в Ясной Поляне.

Цель блока – включить вопрос о счастье в биографический контекст, связать его с жизнью и творчеством Толстого. Проведение квеста можно предварить посещением Ясной Поляны. В этом случае студенты, узнавая знакомые места, с большим интересом отнесутся к выполнению заданий. Реальную экскурсию в Ясной Поляне можно провести и после квеста. Тогда само пространство усадьбы и размещенные в нем объекты будут наполнены для студентов особым смыслом. Это пространство уже будет интеллектуально и эмоционально освоенным, духовно близким, своим, а не чужим.

После проведения квеста студенты группы Г-2 захотели побывать в Ясной Поляне независимо от того, посещали ли они усадьбу раньше.

3) экскурсионно-поисковый блок

Совершая виртуальную экскурсию по Ясной Поляне, студенты «посещают» объекты усадьбы (дом Л.Н. Толстого, флигель Кузминских, посадку «Елочки», любимую скамейку Толстого, Калинов луг). Выполняя задания, участники квеста находят буквы, из которых должны составиться слова, характеризующие понятие «счастье» для Л.Н. Толстого («единство» и «самосовершенствование»).

В ходе поиска студенты знакомятся с биографией Толстого, с его творчеством и философией. Таким образом, происходит реализация основной цели квеста.

Кроме того, блок включает лингвистический компонент (обращение к этимологии и лексическому значению слова «усадьба»).

Для более глубокого проникновения в художественный мир писателя группа может быть подготовлена к занятию, предварительно получив домашнее задание – прочитать рассказ «Филипок», а также небольшие фрагменты (при необходимости адаптированные) из романов «Анна Каренина» и «Война и мир».

Студенты группы Г-2 были разделены на две команды. Владеющие базовым уровнем должны были составить из найденных букв слово «самосовершенствование», владеющие элементарным уровнем – слово «единство». Поиск букв не вызвал у команд сильных затруднений. Одним из вызвавших живой интерес элементов квеста стал поиск букв в комнатах дома Толстого. Студенты предложили и прокомментировали даже больше вариантов, чем задумали создатели квеста. Сразу были названы столовая, библиотека, «комната под сводами», кабинет Толстого. Потом были предложены варианты «комната с бюстом» и «секретарская» (потому что секретари помогали Толстому разбирать письма, которые писали ему разные люди; Толстой, наверно, был счастлив, когда понимал, что нужен людям). Затруднение вызвал вопрос: «Где в Ясной Поляне могли

косить траву?» Потребовалось объяснение, потому что студенты не знали значения слов «трава» и «косить».

4) философский блок

Цель блока – обобщить информацию и подвести студентов к важнейшим понятиям философии Л.Н. Толстого. Преподаватель еще раз напоминает студентам, что в понимании писателя являлось счастьем (быть вместе с близкими, общаться с природой, трудиться вместе с крестьянами, заниматься творчеством, стараться стать лучше, жить для людей). Пройдя в своем сознании этапы занятия, студенты должны составить из найденных букв два слова, в которых сконцентрировано для Толстого представление о счастье.

Студентам группы Г-2 понадобилась помощь преподавателя в составлении слов. Первая команда смогла самостоятельно составить из найденных букв только часть нужного слова – «совершенствование». Вторая команда также смогла самостоятельно составить только часть требуемого слова – соединить суффикс -ств- и окончание -о слова «единство». Работа команд по составлению из букв слов и результаты этой работы оправдывают наличие следующего блока занятия.

5) лингвистический блок

Чтобы лучше понять составленные слова, считаем целесообразным проанализировать их вместе со студентами с разных сторон: с точки зрения фонетического состава и произношения; с точки зрения морфемного состава; с точки зрения словообразовательных связей и этимологии; с точки зрения семантики; с точки зрения грамматики; с точки зрения возможностей использования в синтаксических конструкциях. При этом задаем студентам вопросы типа: *Сколько букв и сколько звуков в словах «единство» и «самосовершенствование»? Сколько корней в слове «самосовершенствование»? Как образовалось это сложное слово? На какие слоги падает основное и побочное ударение в этом слове? К какой части речи относятся слова «единство» и «самосовершенствование»? Какого рода эти существительные? Имеют ли эти существительные формы множественного числа? Почему? Каково лексическое значение данных слов? При*

лингвистическом анализе применяем толковые и словообразовательные словари [5, стлб. 132]; [6, с. 54, 630].

Цель блока – побудить студентов проникнуть в суть составленных ими слов через лингвистический анализ, освоить их с помощью правил и законов изучаемого языка.

Студенты группы Г-2 справились с заданиями этого блока без видимых затруднений, хотя в анкете, которая была проведена после занятия, отметили, что лингвистическая часть была для них сложной.

6) обобщающий блок

Цель блока – финальное обобщение, сведение воедино трех основных линий занятия: биографической, историко-литературной и философской. В ходе виртуальной экскурсии студенты посещают могилу Л.Н. Толстого, который завещал похоронить себя в том самом месте, где, по легенде Николая Толстого, была зарыта «зеленая палочка». Преподаватель подчеркивает значимость этого символа для писателя, а также значимость жизни и творчества Толстого для русской и мировой культуры.

7) контрольно-измерительный блок

Цель блока – проконтролировать уровень понимания и усвоения студентами материала занятия. Учащимся предлагается ответить на вопросы теста (13 вопросов с выбором ответа/ответов). Вопросы теста можно разделить на две группы: 1) проверяющие усвоение фактического материала (например, «Как называется усадьба, в которой родился и прожил большую часть своей жизни Лев Толстой?», «Какие произведения написал Лев Толстой?», «Кто рассказал Толстому сказку о «зеленой палочке?»); 2) проверяющие понимание философской составляющей занятия (например, «Что такое единство?», «Что такое самосовершенствование?», «Почему Л.Н. Толстой в своих «Воспоминаниях» на склоне лет писал: «И как я тогда <то есть в детстве> верил, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает?»)).

8) рефлексивный блок

Данный блок включает в себя проведение анкетирования студентов с целью установить обратную связь. Рефлексивный анализ

результатов анкетирования необходим как преподавателям, так и студентам. Преподаватели получают информацию о том, какие элементы квеста необходимо скорректировать. Студенты, отвечая на вопросы анкеты, имеют возможность отрефлексировать свое эмоциональное восприятие занятия, элементом которого был образовательный квест.

Все студенты группы Г-2 отметили в анкетах, что занятие им понравилось. Среди сложностей были названы составление слов из букв («букв много, очень трудно»), лингвистические задания («немного было трудно»).

Таким образом, разработка, проведение и анализ урока, содержащего виртуальный образовательный квест, показывает следующее.

Образовательный квест – мощный мотивационный стимул, который, вызывая интерес к изучаемому материалу, помогает учащимся без напряжения усваивать содержание урока.

Особенно заметен положительный эффект образовательного квеста в том случае, когда содержание занятия предполагает обращение к разным предметам в их взаимосвязи (в нашем случае – к истории литературы, страноведению, философии, русскому языку), то есть когда урок является интегрированным, так как необходимость поиска делает обращение к определенным фактам оправданным и мотивированным для учащегося, а не «навязанным» учителем.

Предварительная стандартная экскурсия по местам, где предполагаются виртуальные поиски, повышает интеллектуальный и эмоциональный отклик учащихся: они узнают виденные ранее места на предложенных фотографиях и в видеороликах, и это является дополнительным стимулом к усвоению материала.

Кроме того, предварительное знакомство учащихся с небольшим количеством источников (в качестве самостоятельного выполнения домашнего задания) помогает в практике преподавания РКИ сэкономить время при проведении образовательного квеста, сделать занятие более динамичным.

Образовательный квест в практике преподавания РКИ позволяет активно включать в урок учащихся с разной степенью владения русским языком, поскольку методика проведения

образовательных квестов предполагает возможность деления учащихся на группы, каждой из которых дается отдельное задание.

Считаем целесообразным провести блиц-контроль усвоенных знаний непосредственно после занятия, содержащего образовательный квест, в конце урока, поскольку практика показывает, что в настоящее время (по мнению психологов, не в последнюю очередь под влиянием легкого доступа к интернет-ресурсам) память наших современников становится более слабой и избирательной (зачем напрягать память, если есть постоянный доступ к источнику информации?), особенно это касается молодежи.

Предложение заполнить после контрольного теста анкету побуждает учащихся осмыслить свои действия на уроке, проанализировать свое восприятие занятия, понять, что вызывало затруднения, оценить свое эмоциональное состояние на уроке.

Библиографический список

1. Багузина Е.И. Веб-квесты и их роль в развитии критического мышления и создании широкого лексико-грамматического контекста при обучении студентов английскому языку // Магия ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников: материалы научно-практической конференции к 70-летию факультета международных отношений (Москва, 4–5 октября 2013 г.). Т. 1 / отв. ред. Д. А. Крячков. – Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России – М.: МГИМО – Университет, 2013. – С. 22–27.
2. Вавулина А.В., Николенко Е.Ю. Методические особенности использования технологии веб-квест при обучении РКИ на разных уровнях // <http://docplayer.ru/58421215-Metodicheskie-osobennosti-ispolzovaniya-tehnologii-veb-kvest-pri-obuchenii-rki-na-raznyh-urovnyah.html> (дата обращения 5.01.18)
3. Воробьев Г.А. Развитие социокультурной компетенции будущих учителей иностранного языка (поиск эффективных путей) // Иностранные языки в школе. – № 2. – 2003. – С. 30–36.
4. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 328 с.
5. Словарь современного русского литературного языка в 17 тт. – М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. Т. 13: С–сняться. 1516 стлб.
6. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Ок. 145 000 слов. 2-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1990. Т. 2:

- Словообразовательные гнезда. Р–Я. Производные слова, размещенные в гнездах. Одиночные слова. 886 с.
7. Толмачёва Е.В. Инновационное обучение РКИ (сфера «Строительный менеджмент») на основе информационно-коммуникативной веб-квест технологии. Дисс. ... канд.пед.наук. – М., 2015.
 8. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 томах (юбилейное). – М., 1928–1964.
 9. Толстой Л.Н. Избранное (Исповедь. Дневники 1895–1905 гг. «Тайный» дневник 1908 года. «Дневник для одного себя»). Печатается по изданию: Собрание сочинений в двадцати томах. Примечания А.И. Шифмана. – Ростов н/Д.: Издательство "Феникс", 1998. – 544 с.
 10. Шульгина Е.М., Бовтенко М.А. Дидактический потенциал технологии *веб-квест* в формировании иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых факультетов туристского профиля // [https://cyberleninka.ru/article/n/didakticheskiy-potentsial-tehnologii-veb-kvest-v-formirovanii-inoazychnoy-kommunikativnoy-kompetentsii-studentov-neyazykovykh](https://cyberleninka.ru/article/n/didakticheskiy-potentsial-tehnologii-veb-kvest-v-formirovanii-inoazychnoy-kommunikativnoy-kompetentsii-studentov-neyazykovykh-fakultetov-turistskogo-profila) (дата обращения 5.01.18).

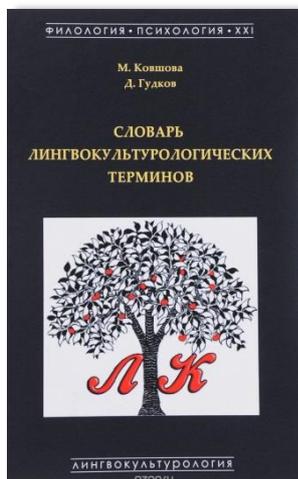
РЕЦЕНЗИИ

Манова Ирина Ивановна
д-р, гл. ассистент кафедры русского
языка
Софийский университет им. Св. Кл.
Охридского
Болгария, София
e-mail: perun.bm@gmail.com

Manova Irina Ivanova
PhD, lecturer
Sofia university «St. Kliment Ohridski»
Bulgaria, Sofia
e-mail: perun.bm@gmail.com

И.И. Манова

СЛОВАРЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ. М.Л. КОВШОВА, Д. Б. ГУДКОВ. М.: ГНОЗИС, 2017. – 192 С.

Аннотация. В рецензии представлен первый в мире словарь терминов лингвокультурологии. Отмечены принципы, на которых построен словарь, а также его структура. Оценивается вклад авторов в составление словаря на фоне существующих учебников и монографий по этой дисциплине.

Ключевые слова: лингвокультурология, культура, коннотация, символ, установка, код, знак.

I.I. Manova

DICTIONARY OF LINGUOCULTUROLOGICAL TERMS M. L. KOVSHOVA, D. B. GUDKOV. MOSCOW: GNOSIS, 2017. – 192 P.

Abstract. The aim of this article is to present the first Dictionary of Linguocultural Terms ever published. The authors outline the structure of the work as well as the theoretical principles according to which it has been built. Also, by comparing this work to other publications in the field of linguoculturology, they define the authors' specific contribution to it.

Keywords: linguoculturology, culture, connotationq symbol, arrangement, code, sign.

В 2017 году в московском издательстве «Гнозис» вышел в свет «Словарь лингвокультурологических терминов», составленный М.Л. Ковшовой и Д.Б. Гудковым. Лингвисты, занимающиеся новым междисциплинарным направлением – лингвокультурологией, а также

лингвисты более широкого профиля, ждали этого выхода с 2013 г., когда был опубликован проект создания этого словаря [4, с. 48-57]. Имена составителей не нуждаются в представлении, так как они являются неоднократно зарекомендовавшими себя авторами серьезных работ по лингвокультурологии.

В Словаре проанализировано 25 центральных терминов лингвокультурологии. Такими терминами являются *архетип*, *код культуры*, *концептосфера культуры*, *культура*, *культурная информация*, *культурная коннотация*, *культурно-языковая интерпретация*, *установка культуры* и др. Сами авторы отмечают: «Словарь представляет собой первый опыт изучения лингвокультурологии в лексикографическом аспекте» [7, с.7].

Целью составителей является продолжить традицию составления лингвистических и филологических словарей, существующую в российском языкознании, чье основное предназначение – упорядочить терминологию в определенной научной области. В то же самое время Словарь может послужить надежной основой для ознакомления с новыми терминами, а также для проведения будущих исследований, так как в нем авторы делятся своими теоретическими знаниями и опытом.

М.Л. Ковшова и Д.Б. Гудков – продолжатели школы фразеологии Вероники Николаевны Телия. В.Н. Телия не только подошла к фразеологии с точки зрения культуры вместо с позиций долгое время господствующего в ней системно-структурного подхода, создала теорию метафоры, ввела в научный обиход термин *культурная коннотация*, была вдохновителем создания и редактором «Большого фразеологического словаря русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий», но и воспитала целую плеяду выдающихся ученых: В.В. Красных, М.Л. Ковшову, Д.Б. Гудкову, Захаренко, И.В. Зыкову и др. Ученики В.Н. Телия стали разрабатывать детально теорию прецедентности (Д. Б. Гудков, Л. И. Гришаева, Ю. Н. Караулов, В. В. Красных, Г. Г.Слышкин), создали словарь «Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь. Вып. 1» (Д.Б. Гудков, И.С. Брилева, Н.П. Вольская, И.В. Захаренко, В.В. Красных, В.Н. Телия), проанализировали телесный код русской культуры [1], пищевой и

костюмный коды [3], [5], лингвокультурологический метод во фразеологии [6], выпустили в свет учебники «Этнолингвистика и лингвокультурология», «Основы психоллингвистики», монографии «“Свой» среди “чужих»: Миф или реальность?», «Словарь и грамматика лингвокультурологии; Основы психоллингвокультурологии» [8], [9], [10], [11] и т. д.

В «Словаре лингвокультурологических терминов» применяется присущее современной лексикографической практике деление информации на зоны. Вслед за зоной вокабулы, составители выделяют зону дефиниции, в которой приводится краткое, но исчерпывающее определение термина; зону научного комментария, в котором представлена история возникновения термина, употребления термина в теоретических работах; зону иллюстрации, в которой приводятся цитаты из научных исследований, проведенных на конкретном материале и зону отсылочных терминов. Такое деление не только отличается стройностью, но и облегчает поиск нужной информации пользователями. Термины рассматриваются не как отдельные образования, а в составе терминосистемы лингвокультурологии. Этому способствует указание на варианты термина, дериваты от него и словообразовательный ряд, в который входит термин. В Предисловии «О принципах создания словаря лингвокультурологических терминов» М.Л. Ковшова определяют основной объект лингвокультурологии: «Основной объект лингвокультурологии – языковой знак разной протяженности – исследуется в его особой, культурной, знаковой функции» и показывает путь развития этой науки: «Телиевский» стиль Словаря главенствует, но не поглащает отраженную в словарных статьях всю лингвокультурологическую «полифонию» современных исследований; он способствует выстраиванию единой понятийно-терминологической системы, открытой теоретическому и терминологическому диалогу с различными научными школами и смежными направлениями» [7, с. 9-10].

Методы, применяемые составителями, при разработке Словаря, являются: метод концептуального анализа, метод дискурсивного анализа и метод тезаурусного описания.

Производит впечатление отсутствие в Словаре таких терминов и словарных статей, как *концепт*, *лингвокультурема* (термин, введенный В.В. Воробьевым) и т.д.

Скорее всего, выбор авторов предопределен метаязыком лингвокультурологической школы В.Н. Телия, к которой они относятся, а также тем, что важной характеристикой терминологии является однозначность термина. Например, термин

концепт имеет довольно большое количество определений и его представление нуждается чуть ли не в отдельном словаре.

В Словаре заявлено рассмотрение термина *прецедентный текст* и от других словарных статей указаны ссылки на этот термин, но сама словарная статья о нем отсутствует.

Стоит отметить прекрасное полиграфическое оформление Словаря. Ценным для современных и будущих исследователей является и очень подробная библиография по лингвокультурологии.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что в 2017 г. в том же издательстве вышла из печати еще одна фундаментальная работа по лингвокультурологии, автором которой является другая ученица В.Н. Телия – И.В. Зыкова: «Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты», в которой прослеживается возникновение метаязыка лингвокультурологии на более широком фоне общенаучных терминов, “трансфера знаний» (В.З. Демьянков) и терминов. И.В. Зыкова выделяет три основных направления лингвокультурологии, а именно: «**метанаучная**» < ... > **область исследования**, объединяющая своей проблематикой многие (под)отрасли не только языкознания и смежных с ним гуманитарных дисциплин, но и наук других циклов», «**самостоятельная междисциплинарная наука**», «**подраздел лингвистики**, центральным объектом которого является язык, изучаемый в так называемой культурологическо-антропологической перспективе» [2, с. 54-55], среди терминов отмечает ядро и периферию научной терминологии в этой области, а также поэтапное становление новых терминов, возникающих в интегративных дисциплинах.

Составлением «Словаря лингвокультурологических терминов» М.Л. Ковшова и Д.Б. Гудков становятся первопроходцами в этой области в российской науке и в мире, прокладывая путь молодым

ученым. Таким образом, лингвокультурология отмежевывается от других «сдвоенных» дисциплин, как этнолингвистика, когнитивная лингвистика, социолингвистика и психолингвистика, метаязык которых уже отражен в словарях: М.И. Исаев «Словарь этнолингвистических понятий и терминов», Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Т. Панкрац, Л.Г. Лузина «Краткий словарь когнитивных терминов», В.А. Кожемякин, Н.Г. Колесник, Т.Б. Крючкова и др «Словарь социолингвистических терминов», Дж. Филд «Психолингвистика: Ключевые концепты. Энциклопедия терминов (с английскими эквивалентами)», М. Пенчева «Когнитивна лингвистика. Речник на понятията и термините» и др.

Впервые формулируются определения термина *культурная установка* и ряда других терминов, которые (за исключением термина *коннотация*, но не *культурная коннотация*) не представлены в таком фундаментальном труде, как «Энциклопедическом лингвистическом словаре» под ред. В.Н. Ярцевой. Некоторые термины, как, например, *лингвокультурема*, *лингвокультурология*, *языковая картина мира*, *коннотация*, *прецедентный текст*, *логоэпистема* были определены А.Н.

Щукиным в «Лингводидактическом энциклопедическом словаре», вышедшем в 2008 г. Краткая дефиниция этих терминов в словаре А.Н. Щукина отражает развитие.

лингвокультурологии десятилетней давности, а, как известно, лингвокультурология развивается стремительно, и направлена в первую очередь на методику преподавания русского языка как родного и иностранного.

Дефиниции некоторых терминов приводят в учебниках и монографиях по лингвокультурологии: В.А. Маслова «Лингвокультурология», Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков «Лингвокультурология: теория и практика», Н.Ф. Алефиренко «Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка», А.Т.Хроленко «Основы лингвокультурологии», З.К. Сабитова «Лингвокультурология», Т.В. Евсюкова, Е.Ю. Бутенко «Лингвокультурология», В.М. Шаклеин «Лингвокультурология: Традиции и инновации», Т.Б. Радбиль «Основы изучения языковой ментальности», Г.В. Токарев «Лингвокультурология», С.В. Иванова,

З.З. Чанышева «Лингвокультурология: Проблемы, поиски, решения», М.В. Пименова «Языковая картина мира», В. Аврамова «Лингвокультурология» и т.д.

Относительно статуса лингвокультурологии лингвисты высказывают разные мнения: полное отрицание необходимости подобного рода исследований; взгляд на лингвокультурологию, как на сугубо российское явление; лингвистическое направление, которое исчерпало свои возможности; новая дисциплина, которой присуща экспансия и которая непрерывно расширяет свой объект исследования; «мягкая сила» политического воздействия и т.д.

Проделанная работа ведущих специалистов России в создании Словаря, а также исследования эмпирического материала, которые проводятся в России, Беларуси, Болгарии, Сербии, Казахстане, Латвии, Киргизии, на Украине и других странах, свидетельствуют о том, что лингвокультурология – это уже состоявшаяся область лингвистики со своим эпистемологическим статусом, объектом исследования, разными разветвлениями: психолингвокультурология, этнолингвокультурология, теолингвокультурология, сопоставительная лингвокультурология, аксиологическая лингвистика и др., метаязыком и методами исследования. Перифразируя известный афоризм: «И все-таки она вертится!», о лингвокультурологии можно сказать «И все-таки она есть! И будет!».

Библиографический список

1. Гудков Д.Б., М.Л. Ковшова. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
2. Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис. 2017. – 752 с.
3. Ковшова М.Л. Пищевой код в культуре и во фразеологии // Язык, культура общество. V Международная конференция. 24-27 сентября 2009 г. М.: Моск.ин-т ин. яз.; науч. журн. Вопросы филологии, 2009. с. 164-165.
4. Ковшова М.Л. Словарь лингвокультурологических терминов: идея, принцип, схема, опытный образец // Язык, сознание, коммуникация. Сб. научных статей. / Ред. кол. М.Л. Ковшова, В.В. Красных, А.И. Изотов, И.В. Зыкова. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 46. с. 48-57.
5. Ковшова М.Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. М.: Гнозис, 2015. – 368 с.

6. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: ЛЕНАНД, 2012, 2016. – 456 с.
7. Ковшова М.Л., Д.Б. Гудков. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017. – 192 с.
8. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
9. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
10. Красных В.В. Основы психолингвистики. М.: Гнозис, 2012. – 333 с.
11. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. – 496 с.

Лесневска Димитрина Спасова
доктор филологии, доцент
Университет национального и
мирового хозяйства
Болгария, г. София
e-mail: demetra3@gmail.com

Lesnevskа Dimitrina Spasova
Associate Professor, Ph.D.
University of National and World
Economy
Bulgaria, Sofia
e-mail: demetra3@gmail.com

Д.С. Лесневска

**И. БИРОВА. ИГРА В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК
ИНОСТРАННОМУ. ИССЛЕДОВАНИЕ ИГРЫ КАК
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФЕНОМЕНА. М.: НИЦ
«ЕВРОШКОЛА», 2017, 276 С.**

Аннотация. Рецензируемая монография посвящена исследованию игры как образовательного феномена при обучении РКИ в болгарской аудитории. Автор монографии, болгарский русист Илка Бирова, утвердившийся своими оригинальными научными трудами в болгарской русистике, убедительно утверждает свою концепцию обучения РКИ с активным использованием игры.

Ключевые слова: игра как образовательный феномен, игровые технологии, обучение РКИ

D.S. Lesnevskа

**I. BIROVA. THE GAME IN TEACHING
RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE. THE STUDY OF GAME AS AN
EDUCATIONAL PHENOMENON. MOSCOW: "EUROSCHOOL", 2017,
276 P.**

Abstract. The reviewed monograph is devoted to the study of the game as an educational phenomenon in the teaching of Russian as a foreign language in the Bulgarian audience. The author of the monograph, Bulgarian linguist Ilka Birova, established by her original scientific works in the Bulgarian Russian studies, convincingly approves her concept of teaching the Russian as a foreign language with the active use of the game.

Keywords: game as an educational phenomenon, game technologies, training of Russian as a foreign language

Рецензируемая монография посвящена исследованию игры как образовательного феномена при обучении РКИ в болгарской аудитории. Автор монографии, доцент д-р Илка Бирова, преподающая русский язык на кафедре русского языка Факультета славянских филологий Софийского университета им. Св. Климента Охридского, исследует игру в современной межкультурной, коммуникативной парадигме иноязычного образования с теоретической точки зрения как понятие (история появления понятия игры, основные труды, посвященные теме игры в России, Болгарии и др.), а также с точки зрения применения игры на уроках русского языка (виды упражнений, учебные диалоги, примерные сценарии уроков и др.). Рецензенты монографии – известный в Болгарии российский лингвист, культуролог и педагог, профессор Виктория Сафонова, разработавшая концепцию и теоретические основы социокультурного подхода к иноязычному обучению¹, и профессор Галина Шамонина – игры (Й. Хейзинг, И. Пасси, И. Кант, Ф. Ницше, Я. Коменский, М. Китайгородская, Е. Земская, О. Ермакова, Л. Цонева, Т. Алексеева, Т. Стоева, А. Радкова и др.). И. Бирова подчеркивает эмоциональность и спонтанность игры, отличающие ее от традиционных методов обучения. Автор утверждает, что эмоциональное восприятие, полученное в игровой учебной ситуации, запоминается легче и облегчает обучение, с чем мы полностью согласны.

Вторая глава «Передовой опыт в использовании игры в обучении языкам» посвящена анализу различных школ, практикующих игру в обучении: практика в Вальдорфских школах, игровые технологии в обучении РКИ в Грузии на базе педагогики А. Амонашвили, суггестопедический метод Г. Лозанова в Болгарии. Интерес вызывают представленные в монографии наблюдения автора суггестопедических занятий по русскому языку в рамках интенсивного курса для взрослых, где применялись игровые технологии обучения, проведенных в Софии в 2015 г.

¹ Сафонова В.В. Культуроведческие основы изучения русского языка в поликультурном пространстве современного мира // Русистика сегодня: традиции и перспективы. София, 2017. – 417–424.

В третьей главе «Исследование отношения преподавателей иностранных языков к игре и степени ее использования в практике» И. Бирова знакомит читателей с статистическим анализом и комментарием результатов анкетирования, а также с результатом исследования места игры в учебниках и учебных пособиях по РКИ. Рассмотрены 53 учебника и учебных пособия, изданные в России и Болгарии в период 1998 – 2016. Автором установлено, что игра присутствует только в учебниках для детей дошкольного и начального школьного обучения на начальном этапе изучения РКИ. Автор приходит к выводу о недостаточном использовании игры в иноязычном обучении, в частности в обучении РКИ. Мы согласны с утверждением автора, что существует дефицит игровых упражнений и дидактических игр в современной учебной литературе по РКИ.

В четвертой главе «Концепция обучения РКИ с активным использованием игры в сочетании с традиционными методами обучения» представлены различные концепции обучения РКИ с участием игры; читателю предоставляются методические указания применения игры при начальном, среднем и продвинутом этапах обучения РКИ детей и взрослых; проанализированы разные игровые технологии в обучении РКИ (викторины, интервью, драматизации, пантомимы и др.). Анализу подвергаются дидактические языковые игры в обучении РКИ, составлена типология игровых упражнений, указаны слабости в организации игры, преподавателям предоставлены дидактические указания. Уделено место уроку-драматизации, а также занятиям по переводу с игровыми заданиями.

В Заключении И.Бирова подчеркивает характер комплексности своего исследования игры. Мы согласны с автором, что исследование достигло своей цели – доказать важность игры как необходимого компонента в иноязычном обучении.

Несомненным достоинством монографии является тот факт, что автор не ограничивается изложением отечественного опыта в применении игры в обучении РКИ, а комментирует и анализирует передовой опыт в этой области таких стран, как Россия, Германия, Грузия, Польша. В рецензируемой монографии автор убедительно утверждает свою концепцию обучения РКИ с активным использованием игры.

В настоящее время исследования в области преподавания русского языка как иностранного (РКИ) в болгарской русистике направлены на разработку новой межкультурной парадигмы современного иноязычного образования. Данная монография Илки Бировой вносит существенный вклад в развитие болгарской лингвотеоретики в области обучения иностранным языкам, в частности обучения РКИ в болгарской среде.

ХРОНИКА

Стойкова Надежда
доктор филологии, преподаватель
Шуменский университет
им. Еп.Константина Преславского
Болгария, г. Шумен
e-mail: stoikovans@abv.bg

Stoikova Nadezhda
Associate professor/lecturer
Konstantin Preslavsky University of
Shumen
Bulgaria, Shumen
e-mail: stoikovans@abv.bg

Н. Стойкова

140 ЛЕТ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877-1878 Г.Г. ПАМЯТНЫЕ СТРАНИЦЫ В ИСТОРИИ ШУМЕНА

27-ого февраля, накануне празднования 140-летия Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В Шуменском университете состоялся Круглый стол, посвященный этой годовщине. В рассказах участников прозвучали эпизоды военных действий русских войск за освобождение Шумена от турецкого ига. В рассказе гостя, военного историка М. Йорданова, были затронуты действия русского командования и умения русских полководцев в проведении военных операций для освобождения Шуменского региона. Рассказы были сопровождены презентацией, составленной ас. д-р Т. Терзиевой. Были показаны образы русских полководцев, участвующих в военных действиях в регионе, картины русских художников, посвященных этим событиям, документы и фотографии тех лет. Прозвучали русские военные марши того времени, стихи на русском и болгарском языках, посвященных тем памятным событиям. Был показан советско-болгарский фильм режиссера Сергея Васильева «Герои Шипки», созданный в 1954 г. и получивший приз за лучшую режиссуру на Каннском фестивале в последующем году. Модератором вечера была проф.д-р Валентина Аврамова. В вечере приняли участие студенты, школьники, учителя, музейные работники, граждане города. С большим интересом была встречена выставка книг и материалов, посвященных этой знаменательной дате.

Специальными гостями на Круглом столе были вице-консул РФ в г. Варне г-жа Александра Дергачева и зам.-декана Гуманитарного факультета доц.д-р Ст. Минков.

ЮБИЛЕИ

ДОЦ. Д-Р ИЛИАНА ВЛАДОВА НА 80 ГОДИНИ

Уважаема доцент Владова,

14 март за Вас е специална дата – Вие достигате почтената възраст, която съвсем не е адекватен признак на Вашата бодрост, енергия, устременост и действие в съвременния живот. 80 години би трябвало да бъде средата на човешкия живот, особено за Вашата дейна натура. Богатият Ви творчески и обществен живот говори за това.

Активен изследовател, ръководител на докторанти, търсен преводач на руската литература, достигнала висотата на вицепрезидент на МАПРЯЛ, член на Президиума на МАПРЯЛ, дългогодишен председател на Дружеството на русистите в България, главен редактор на научното списание «Болгарская русистика», любяща майка и баба, активна общественичка. Всичко това сте Вие.

Ние Ви пожелаваме здраве, дълги години живот с нас и сред нас и Вашите любими хора, удовлетворение от всеки преживян ден, щастливи мигове с приятели и съмишленици.

НА МНОГАЯ ЛЕТА!

Дружество на русистите в България

IN MEMORIAM

ДОЦ. Д-Р ЕВДОКИЯ МЕТЕВА
(6.05.1920-26.01.2018)

На 26 януари 2018 г. ни напусна доайенът на българската русистика доц. д-р Евдокия Георгиева Метева, изтъкнат специалист по руски фолклор и изследовател на руската литература, дългогодишен преподавател в Софийския университет „Св. Климент Охридски“ и Шуменския университет „Епископ Константин Преславски“.

Доц. Евдокия Метева е родена в София през 1920 г. През 1949 г. се дипломира в Историко-филологическия факултет на Софийския университет със специалност Романска филология и втора специалност – Руски език. През 1953 г. завършва и Руска филология. В периода 1950-1953 г. преподава руски език в Софийския университет, от 1953 г. работи като асистент в Катедрата по руска литература. През 1964 г. става кандидат на филологическите науки, а през 1968 г. се хабилитира и става доцент по руска литература в Софийския университет. Доц. Метева чете курсовете по руски

фолклор², стара руска литература и руска литература на XVIII век, руска класическа литература до 1980 г. От 1972 до 1985 г. преподава същите дисциплини и в Шуменския педагогически институт, сега Шуменски университет „Епископ Константин Преславски“.

Доц. Евдокия Метева беше истински вдъхновен учен. Областта на научните ѝ интереси е обширна. Поколения русисти свързват нейното име преди всичко с руския фолклор. Той беше основна тема в нейните търсения, обобщени в написания от доц. Евдокия Метева класически за българската русистика учебник, издаден през 1982 г. и значително разширен и допълнен при преиздаването му от Университетско издателство през 1991 г.³ Руската литература на XVIII и XIX век беше друга област, в която проучванията на доц. Евдокия Метева оставиха значима следа. Особено я вълнуваше преводната рецепция на произведенията на руските автори в България. Класическа остава нейната студия за рецепцията на творчеството на бележития руски сатирик и обществен мислител Денис Иванович Фонвизин от българските възрожденци⁴. Повече от 60 години след публикуването му това изследване остава все така актуално с изводите си. Диапазонът на научните интереси на доц. Евдокия Метева се простираше от рецепцията на средновековното «Слово за похода на Игор» до поетиката и рецепцията на творчеството на Карамзин, Пушкин, Лермонтов, Гогол, Некрасов, Чехов⁵. Особена ценност в този смисъл имат публикуваните от

²Боева Л. Юбилей Евдокии Метевой. – Болгарская русистика, 1995, № 1, 70-72; Чекова И. Поглед към историята на преподаването на руски фолклор и етнология в Софийския университет „Св. Кл. Охридски“. – Болгарская русистика, № 1-2, 2010, 170–185.

³ Метева, Е. *Русский фольклор*, София, I издание, Изд. „Наука и изкуство“, 1982, 260 с., II допълнено издание, Университетско издателство „Св. Кл. Охридски“, 1991, 298 с. Рец. Мончева, Л. Навременна и необходима книга. Евдокия Метева, *Русский фольклор*, София, “Наука и изкуство”, 1982, 260 с. – Език и литература 1983, № 5, 102-104.

⁴ Метева, Е. Фонвизин у нас, в *Годишник на Софийския университет, Филологически факултет*, т. LIII 2, 1956-1957, с. 375-424.

⁵ Ще спомена някои от заглавията: Метева, Е. Людмил Стоянов като преводач на древно-руската национална поема «Слово о полку Игореве», в сб. *Людмил Стоянов. Изследвания и статии за творчеството му*, БАН, 1961, с. 291-316; Некрасов в български преводи. *Годишник на СУ, Филологически факултет*, т. 55,

авторката очерци в престижното колективно изследване «Преводна рецепция на европейските литератури в България, т. 2 Руска литература» (София, 2001)⁶. Специален обект на внимание за нея бяха сложните проблеми на стихотворния превод, сфера, която е недостатъчно изследвана и до днес.

Доц. Евдокия Метева е автор на многобройни предговори към издания на руски класически текстове, между които «Война и мир», «Анна Каренина», «Възкресение», «Мъртви Души», «Братя Карамазови», лириката на Пушкин и Лермонтов. Нейното пословично трудолюбие беше причина тя да продължи изследователската си дейност доста след оттеглянето си от активна преподавателска дейност и въпреки напредването на възрастта.

1961 кн.2.; Към въпроса за изграждане на художествения образ у Лев Толстой. Годишник на СУ, Филологически факултет, т. 19, 1965, стр. 1-80; Некрасов и българската литература. Годишник на СУ, Филологически факултет, т. 51, 1967, стр. 1-151; Някои наблюдения върху преводите на руската стихотворна класика в България, сп. *Литературна мисъл*, София, 1983, кн. 9, с. 91-112; Пушкин и българската възрожденска интелигенция, сб. *А. С. Пушкин и българската култура*, 1999, с. 55-81; Поетика на пейзажа в лириката на Пушкин, сб. *Четене на литературна критика. Сборник в чест на 60-тата годишнина на проф. Петко Троев*, 2002, с. 24-30; Чехов и българската култура, сб. *Диалози с Чехов. 100 години по-късно*, Изд. «Факел», София, 2004, 212-217; Русские духовные стихи в их жанровой специфике, сп. *Болгарская русистика*, София, 2005, с. 35-41; Романтическая экспрессия и символика природы в поэзии Лермонтова, сб. *60 години руска филология в Софийския университет*, сборник научни статии, София, 2006, с. 293-303; Фолклорният интертекст в поемата на Лермонтов «Песен за цар Иван Грозни» и българския му превод, сб. *Реката на времето, сборник статии в памет на проф. Людмила Боева (1931-2001)*, Университетско издателство «Св. Климент Охридски», София, 2007, с. 281-288.

⁶ Метева, Е. Руската литература в българското ѝ преводно битие (с. 5-24); Очерци върху преводната рецепция на : «Слово за похода на Игор» (с. 24-29), Н. М. Карамзин (с. 29-33), И. А. Крылов (с. 35-42), М. Ю. Лермонтов (с. 67-81), Ф. Н. Тютчев (с. 112-117), Н. А. Некрасов (с. 124-135), Ф. М. Достоевски (с. 147-161), С. Я. Надсон (с. 161-166), А. П. Чехов (с. 195-208), А. А. Ахматова (с. 263-269), М. И. Цветаева (285-290), С. Я. Маршак (343-349), А. А. Вознесенски (395-399), сб. *Преводна рецепция на европейските литератури в България, т. 2 Руска литература*, Съставители Илиана Владова, Евдокия Метева, Любен Любенов, Академично издателство «Проф. Марин Дринов», София, 2001.

Доц. Евдокия Метева е отличена е с множество награди за високи постижения в теорията, историята и критиката на превода, сред които орден «Кирил и Методи» I-ва степен, както и с орден на МАПРЯЛ за популяризирането на руския език и култура, Почетния знак на Софийския университет «Св. Климент Охридски» със синя лента. Но най-голямата награда за нея беше вниманието и уважението на многобройните ѝ ученици, чиито постижения и успехи тя следеше с неизменен интерес, но и с критичност. Поколения български учени са ѝ дълбоко благодарни за наставничеството, доброжелателността, внимателните и прецизни рецензии на техните дисертации и хабилитационни трудове.

Поклон пред светлата ѝ памет!

проф. д-р Ангелина Вачева,
доц.д-р Илиана Чекова
Катедра по руска литература
на СУ «Св. Климент Охридски»

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Электронные версии статей следует направлять в виде приложения по электронной почте по адресу редакции: **bolgrusistika@gmail.com**. В отдельном текстовом документе прилагается справка об авторе: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность, город, страна, домашний адрес, контактный телефон, электронный адрес*. К публикации принимаются ранее не опубликованные **авторские материалы на русском языке**.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.

Размер страницы: А4.

Шрифт: Times New Roman, 12 пунктов.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2,5 см.

Абзацный отступ: 1 см.

Без нумерации, выравнивание по ширине.

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ

На **русском языке** без сокращений приводятся: *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученая степень, ученое звание; название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора, заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*).

Просим оформлять данные в одну колонку, как показано:

Борисов Иван Викторович
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: borisov@rambler.ru
Borisov Ivan Viktorovich
Professor, Dr. Sc.
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: borisov@rambler.ru
(10 пунктов)

И.В. Борисов (11 пт.)

**ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЯЗЫКА**
(12 пт.)

Аннотация. 10 пт., до 800 знаков с пробелами

Ключевые слова: 10 пт., не более 10 слов

I.V. Borisov (11 пт.)

THE EXPRESSIVENESS OF MODERN POLITICAL LANGUAGE
(12 пт.)

Abstract. 10 пт. до 800 знаков с пробелами

Keywords: 10 пт., не более 10 слов

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст на **русском языке**: 12 пунктов, объем: до 20 000 знаков с пробелами. Сноски — постранично, внизу страницы, с использованием сквозной нумерации, арабские цифры, 10 пт. Библиографические ссылки заключаются в квадратных скобках [номер библиографического списка, страница], например: [2],[7, с.84]. Примеры следует давать курсивом. Используются кавычки типа «елочки». Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них. Название иллюстраций дается под ними после слова «Рис.» с порядковым номером (10 пт).

Библиографический список приводится после текста статьи с нумерацией по принципу алфавитного именованного указателя фамилий авторов (сначала на кириллице; потом на латинице по латинскому алфавиту). Инициалы не разделяются пробелами. Включаются только работы, указанные в ссылках. Напр.:

Библиографический список (11 пт.)

1. Орлов Л.М. Современная реклама // *Стиль*. – 2008. – № 4. – С. 65–70 .
2. Сергеева В.П. Проблемы научного текста. – М.: Проспект, 2013. – 156 с.

Материалы, не соответствующие вышеуказанным требованиям, не рассматриваются.

Редколлегия

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Дружество на русистите в България
Списание «Болгарская русистика»
ул. Никола Мирчев № 35
София 1113
e-mail: bolgrusistika@gmail.com

Броят се издава с финансовата подкрепа на фондация «Славяни»
и «Федерацията за връзки с народите на Русия и ОНД»